

ДОЧЬ ВОЛКА

Андрей ДЫШЕВ

КРИК ВОЛКА

Дочь волка и Кирилл Вацура

Андрей Дышев

Крик волка

«Андрей Дышев»

1995

Дышев А. М.

Крик волка / А. М. Дышев — «Андрей Дышев», 1995 — (Дочь волка и Кирилл Вацура)

Кирилл Вацура идет служить контрактником на военную базу в Таджикистане, стоящей на пути самого мощного наркотрафика из Афганистана в Европу. Но отнюдь не желание сделать себе карьеру военного подводит Кирилла к такому решению. Движет им неподконтрольное чувство любви к очаровательной перуанке Валери, которая замешана в контрабанде наркотиков. Любовь и эмоции затмевают его разум, и когда Вацура узнает, что наркотики переправляются из Таджикистана в Россию в цинковых гробах под видом «груза 200», он решается на безумный шаг и ложится в гроб вместо чучела, набитого героином...

Содержание

От автора	6
1	7
2	12
3	17
4	19
5	22
6	29
7	32
8	35
9	38
10	44
11	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Андрей Дышев

Крик волка

Андрей Дышев

* * *

От автора

Полагаю, что в этой части все – вымысел.

1

"Дорогой Кирилл!

Я получил твое письмо, и оно, честно сказать, меня озадачило. После нашей с тобой последней встречи, когда я предлагал тебе подписать контракт, прошло почти два года. Я, как ты, наверное, знаешь, уже не командую полком, выдвинут на повышение. Мой преемник – человек своеобразный, ты с ним не знаком и вряд ли найдешь общий язык. Изменилась и ситуация в самом Таджикистане, теракты и убийства наших военнослужащих стали привычным делом. Но не это, пожалуй, самое главное.

Если я правильно понял, тобой движет вовсе не мальчишеское стремление нацепить на себя камуфляжную форму, перепоясаться пулеметными лентами, взвалить пулемет на плечо и пойти в засаду. Забавами такого рода мы с тобой насытились под завязку еще в Афгане, войной и смертью тебя не удивишь и, тем более, не прельстишь. Я помню встречу с твоим другом Борисом, который многое рассказал о тебе, и я теперь понимаю, что ты собрался в Таджикистан не только для того (точнее – не столько), чтобы послужить Отечеству. Мне трудно подобрать подходящее определение тому делу, на которое ты подрядился в наши недобрые края, но хочу предупредить: остановись, трезво и спокойно оцени свои силы и возможности, сойди с небес на землю и подумай о своем будущем. Поверь, что все это не стоит того, чтобы ты рисковал жизнью. Я помню тебя по Афгану: ты был храбрым воякой, но в то же время умел беречь своих солдат. Мне очень хочется, чтобы это качество проявилось снова, и ты сберег сам себя. Предоставь заниматься грязной и опасной работой тем, кто в ней более компетентен.

Надеюсь на твой светлый разум и холодную голову. Крепко обнимаю!

Твой ЛОКТЕВ."

Я сложил письмо и сунул в нарукавный карман, хотя его следовало бы выкинуть. Четвертый или пятый раз читаю, выучил почти наизусть. Больше десяти лет назад мы с Локтевым служили в одной разведроте в Афгане. Он был командиром, я – старшиной. До сих пор не понимаю, как он выжил. Люди, у которых напрочь отсутствует чувство страха, обычно ловят пули столь же целеустремленно, как теннисная ракетка мячи.

Вся надежда была на Локтева. Без его помощи и поддержки я вряд ли смогу найти доказательства.

Я вспомнил, как Валера Нефедов произнес это слово по слогам: до-ка-за-тель-ства, и при этом хлопал ладонью по полированной поверхности стола, давая мне ясно понять, что это самое главное, фундаментальное, базисное понятие в уголовном розыске и службе безопасности.

Мы встретились с ним вчера в полдень на Лубянке. Валера изменился только внешне – раздобрел и польсел. В Афгане он был офицером особого отдела дивизии, мы часто встречались на рейдах, прочесывая "зеленку". Какую задачу особист выполнял в цепи разведчиков – я не знал, но не спрашивал. Быть может, по причине своей нелюбознательности я и стал симпатичен Нефедову, и мы подружились – насколько могли дружить старлей из особого отдела и старшина разведроты.

После Афгана мы встречались несколько раз – в Москве, на годовщину вывода ограниченного контингента, когда в парк Горького съехались ветераны двести первой дивизии, и у меня в Судаке, куда Валера приезжал в отпуск. Года два назад Нефедов перешел на службу в ФСБ.

"Ну что? – двусмысленно сказал Валера, вскидывая руку с часами. – Через час я освобожусь, и мы посидим в каком-нибудь кафе... Ты в отпуске или как?"

"Я к тебе по серьезному делу, Валера," – ответил я.

Нефедов понял, что в столицу меня привело отнюдь не желание кутнуть с бывшими сослуживцами. Он слегка нахмурился, по старой привычке пригладил пальцами черные усики.

"Я понял. Поговорим у меня. Сейчас я выпишу тебе пропуск. Жди у третьего подъезда."

Валера провел меня в свой кабинет, усадил с торца Т-образного стола, сам сел во главе него, и я сразу пожалел, что не согласился на кафе, где было бы намного уютнее.

"Ну давай, выкладывай, – сказал он, надевая очки и сцепляя пальцы, будто сидел в стоматологическом кресле, готовя себя к боли. – Какие у тебя проблемы?"

"У меня есть сведения, – начал я, ужасаясь своему неожиданному косноязычию, – о связях калийского наркокартеля и московской мафии. Так называемая фирма "Гринперос" занимается ни чем иным, как торговлей наркотиками и отмывкой денег за рубежом".

Мне показалось, что по губам Нефедова скользнула едва заметная усмешка. Я замолчал и вопросительно посмотрел на него.

"Нет, нет, продолжай," – торопливо сказал он, снимая очки и теребя дужку.

В течение получаса я рассказал ему о том, что видел и узнал в Приамазонии, как меня пытались подставить, о чеченской группировке, занимающейся переброской в Афган деталей для боевой техники, оружия и боеприпасов в обмен на прямые поставки наркотиков, про их контакты с пуштунскими наркоделами и стремлении перехватить основной поток наркотиков у московской группировки.

Когда я замолчал, Нефедов уставился на сверкающий полировкой стол, бесцельно переложил с места на место какие-то бумаги.

"Все это, конечно, хорошо, Кирилл, – сказал он, делая паузы между словами. – Только ответь мне на вопрос: откуда тебе об этом известно?"

Я хотел ответить, что многое видел собственными глазами, о другом слышал, как говорится, из надежных источников, но Нефедов перебил:

"Из газет? Телевидения? Из рассказов? А где доказательства?"

"Какие доказательства? – не сразу понял я. – Надо брать эту фирму и трясти ее."

Нефедов усмехнулся и покачал головой.

"Как у тебя все просто получается: брать, трясти. А если мы ничего не сможем доказать, кто тогда будет оплачивать нанесенный фирме ущерб? Я? Или ты? Кто даст нам право проверять коммерческую деятельность фирмы, основываясь лишь на информации из сомнительного источника?"

Я даже опешил.

"Это ты меня считаешь сомнительным источником? Ну, Валера, я не думал..."

"Не обижайся, – резко сказал он. – Мы с тобой прошли войну, я полностью тебе доверяю. Но я не могу начать дело, когда у меня под рукой нет ничего, кроме твоих слов. Нужны доказательства. Веские доказательства – документы, наркотик, склады с оружием и так далее. Пока же вся эта история годится разве что для киносценария о мафии".

В кабинете повисла тишина. Я встал.

"Мне стыдно, – с трудом произнес я, глядя на сцепленные в замок руки Нефедова. – Я думал, что я получу карт-бланш, ты мне поможешь, мы начнем действовать, а вышло, что я просто стукач..."

"Да брось ты! – усмехнулся Нефедов. – Не забивай голову. Сейчас я освобожусь, и мы выпьем по сто грамм. Ага?"

Я отрицательно покачал головой и подошел к двери.

"Будут тебе доказательства, Валера," – сказал я на пороге.

Он не стал меня провожать...

...Я опустил руку в сумку, нащупал бутылку с минералкой. Хотел по привычке открыть об угол, но сидение подо мной, куда я приложил горлышко, имело округлый край. Сосед, сидя-

щий справа, человек зрелого возраста, с зачесанными назад седыми волосами, обратил на меня внимание и протянул складной нож.

– Служить? – спросил он, разглядывая мою камуфлированную форму.

Я кивнул и присосался к бутылке. Этот человек был мне не интересен, а для меня нет ничего более мучительного, чем вести пустые разговоры со случайными попутчиками. Бутылку я осушил в три глотка, и тотчас руки покрылись крупными каплями пота.

Сосед продолжал рассматривать меня, и я понял, что разговора с ним не избежать.

– Гурьев, – представился он и протянул руку. – Анатолий Александрович Гурьев.

Я потрогал его руку, кивнул и сразу же прикрыл глаза. Пусть думает, что я намерен вздремнуть.

– Простите, что отвлекаю вас. Дело в том, что я первый раз лечу в Таджикистан и, если можете, хотя бы в общих чертах, обрисуйте обстановку... Душа не на месте, не имею ни малейшего понятия, что ждет меня впереди. Все случилось так неожиданно, и не было времени разобраться во всем толком. Этот договор, эти сумасшедшие сборы в дорогу... Куда меня, старого дурака, понесло?

Самолет сделал крен, в иллюминатор брызнул солнечный свет, яркое пятно, словно круг от прожектора, заскользило по борту, раскачивающейся грузовой подвеске, по лицам пассажиров – сонным, хмельным или встревоженным, по ряду сумок, коробок, ящичков, выставленных посередине салона. Гурьев скосил глаза, пытаясь рассмотреть, что происходит за мутным стеклом иллюминатора, ничего не увидел, кроме неба, но вставать не стал.

– Вот посмотрите, – сказал он, вытаскивая из сумки серую папку с надписью "Дело N" и развязывая тесемки. – Что это может означать?

Он надел очки в толстой желтой оправе под янтарь и зачитал мне с листа:

– "Организация обязуется обеспечить специалиста всем необходимым для работы и отдыха в пределах нормы, которая устанавливается в зависимости от результатов труда." – Гурьев поднял на меня глаза и снял очки. – Вы не можете объяснить мне, что это за норма, и кто будет ее устанавливать?

– Об этом вам надо было спросить у того, с кем вы подписывали договор, – ответил я.

– Да я все понимаю, – отмахнулся Гурьев. – Но когда все делается в страшной спешке... Или вот еще, послушайте: "Специалист не вправе прерывать контракт по своему усмотрению, равно как и покидать пределы рабочей территории без ведома администрации, вести какую-либо переписку или иными способами связываться с лицами, не имеющими отношения к настоящему Договору." Что это? – с нотками возмущения спросил он, будто именно я заставил его подписаться под этими словами. – Это же концлагерь какой-то! И мы еще смеем утверждать, что живем в демократическом обществе.

– А чего вы возмущаетесь? – пожал я плечами. – Вас разве насильно заставили подписать это?

Гурьев вздохнул и спрятал листы в папку.

– Да, вы правы. Но когда штат института сокращают ровно втрое, и тебя, как одряхлевшую собаку, выставляют за порог, подпишешь что угодно.

Во мне шевельнулось слабое любопытство.

– А кто вы по специальности?

– Химик! – Гурьев зачем-то развел руками в сторону. – Бывший сотрудник института фармакологии при министерстве здравоохранения СССР. А теперь, значит, лечу неизвестно куда, неизвестно зачем, и одному Богу известно, чем я буду заниматься. Жадность наказуема! – добавил он философски. – И в истинности этих слов мне, кажется, придется убедиться очень скоро.

– Вам пообещали хороший заработок?

– Хороший? – Он как-то странно посмотрел на меня. – Хороший заработок я имел в институте. Ну, естественно, до перестройки. А тут, – он постучал ладонью по папке, – мне предложили просто фантастические деньги! – Гурьев ближе придвинулся ко мне и негромко сказал: – Пять тысяч долларов. В месяц. Плюс бесплатное питание и проживание.

И выжидающе посмотрел на меня.

– Ну что ж, вам можно только позавидовать.

– Да бросьте вы! – махнул Гурьев рукой. – Вы искренне верите, что мне заплатят такие деньги?

– Смотря чем вы будете заниматься.

– Да в том-то и дело, что я не знаю, чем буду заниматься.

Я искренне удивился.

– Даже приблизительно не знаете? Рыть котлованы или продавать бижутерию?

– Насчет бижутерии вы, конечно, утрируете, – усмехнулся он. – Работать я буду по специальности. Как ни как, а двенадцать лет руководил кафедрой.

– Значит, вы будете работать на медицину.

– Возможно, возможно, – пробормотал он. – Но такие деньги! Конечно, я подмахнул договор, особенно не вчитываясь в него. За пять тысяч долларов можно и за колючей проволокой поработать, правда? – Он рассмеялся, промокнул платком лоб.

– А организация, с которой вы подписали договор, – это что же, какое-нибудь государственное учреждение или фирма?

Гурьев отрицательно покачал головой.

– Что вы, голубчик! Какое госучреждение в наши времена отвалит вам такую зарплату? Это какая-то малоизвестная коммерческая фирма.

– И она специализируется на производстве лекарств?

– Полагаю, что да, – кивнул Гурьев.

– На территории Таджикистана?

– Выходит, что так, раз меня отправили туда.

Самолет лег на правое крыло, и солнечный свет брызнул нам в глаза. Пошатываясь, через сумки и коробки переступал краснолицый солдат. Он искал в огромной утробе грузового "Ила" туалет и никак не мог его найти. Дружки, похохатывая, указывали ему то на рампу, то на входную дверь, то на пилотскую кабину.

Гурьев, полагая, что исчерпал тему разговора, стал запихивать папку с договором в сумку, но я тронул его за руку.

– Вы позволите мне почитать?

Гурьев кивнул, охотно вытащил папку и протянул ее мне. Я развязал тесемки, вытащил лист договора, отпечатанного на принтере. Вверху слева – логотип в виде пальмы, ветвь которой закручивается буквой "P". От нее на всю страницу вытягиваются слова, дрожащие, как в знойном воздухе: "Российско-перуанский коммерческий союз "Гринперос".

Я посмотрел вторую страницу. Внизу – печать. В ее середине – все та же пальма, по окружности – надписи на русском и испанском. Еще ниже фамилия генерального директора, Луиса Маркеса, и размашистая подпись.

– Вы один летите? – спросил я, еще раз просматривая бланки договора.

– Вообще-то, нас было трое, кто вместе со мной подрядился на эту работу, но те парни летят через два дня гражданским бортом, а мне удалось сесть на военный.

– Вас будут встречать?

– Надеюсь! Очень надеюсь! В Душанбе у меня нет никого. А ночевать в городе, где идет война – сами понимаете... Что вы там увидели?

Я оторвал взгляд от логотипа и протянул листы Гурьеву.

– Где-то я уже слышал об этой фирме, – расплывчато сказал я.

– Надеюсь, хорошее? – спросил Гурьев, заталкивая папку на прежнее место.

– Да, – ответил я, задумавшись. В мыслях кружилось имя убитого под Ялтой Сержа Новоторова, генерального директора российско-перуанской фирмы "Гринперос". Совпадение? Мало ли наплодили российско-перуанских фирм? – Да, – повторил я. – Надеюсь, что это хорошая фирма, и вас не обманут с заработком.

Самолет пошел на снижение. Гурьев боялся полета, и теперь лицо его стало еще более напряженным. Он постоянно вытирал платком лицо и шею, словно хотел отполировать кожу до блеска. Солдаты, не вставая со скамьи, стали разбирать свои выгоревшие на солнце зеленые рюкзаки и закидывать их за плечи.

На выходе я немного отстал от Гурьева, хотя он, спускаясь по рифленой рампе, которая словно от высотного холода покрылась металлическими пупырышками озноба, все время оборачивался, но уже не мог различить меня среди толпы солдат, одетых в камуфляж. Я не спускал с него глаз, когда он сошел на бетонку, от которой тянуло доменным жаром, поставил сумку у ног и стал смотреть по сторонам, выискивая встречающих. Смешавшись с шаркающим пыльными сапогами строем солдат, я шел к крытым брезентом грузовым машинам, курсирующим между аэропортом и штабом дивизии. Если его не встретят, подумал я, придется забрать его с собой.

Солдаты начали грузиться в кузов. Я не спешил, хотя старший машины поторапливал, и водитель уже завел мотор. Гурьев топтался у рампы, изнемогая от жары. Не встретят, почти уверенно подумал я, закинул свою сумку в кузов и хотел уже было бежать к самолету, как увидел подкативший к рампе серебристый микроавтобус "Ниссан". Смуглый, с бритой головой человек вышел из машины, подошел к Гурьеву, что-то спросил. Тот с готовностью вытащил папку и протянул человеку договор. Человек кивнул и показал на машину. Через полминуты серебристый "Ниссан" беззвучно развернулся и помчался по рулежке куда-то в сторону.

Встретили, подумал я и ощутил странное чувство скрытой тревоги.

2

Локтев был на совещании у командира дивизии, и я прождал его больше часа. Потом я увидел его тяжеловесную фигуру в конце коридора; он шел в мою сторону, широко размахивая руками, вынуждая встречных офицеров прижиматься к стене и отдавать честь каким-то притесненным нелепым движением, в котором было не столько стремления приветствовать начальника, сколько желания не обратить его внимание на себя. Я подумал, что Локтев не узнает и вообще не заметит меня – начальникам его ранга свойственно не обращать внимания на такую мелочь, как штабные клерки, теньями снующие по коридорам, а я в своем камуфляже вполне смахивал на такую мелочь. Но Локтев, поравнявшись со мной, узнал меня и отреагировал так, словно мы в последний раз виделись только вчера.

– Прилетел все-таки, – пророкотал он, на мгновение остановившись рядом и не подав руки, затем повернулся к двери своего кабинета и бросил через плечо: – Зайди!

Он вошел в кабинет, воздух в котором от кондиционера был сырым и холодным, сел за стол, наполовину заставленный телефонами, схватил со стола пачку сигарет, но она оказалась пустой, и Локтев со злостью швырнул ее в мусорную корзину.

– Ну зачем ты приехал? – громко спросил он, не глядя на меня.

– У тебя, наверное, неприятности, – предположил я.

– Да какие к черту... – начал было он заводиться, но осекся, поднял трубку, приказал подать к КПП машину, впечатал трубку в гнездо с такой силой, что аппарат чудом не раскололся на части, и, наконец, пристально посмотрел на меня: – Сколько тебе лет, Кирилл?

– Тридцать четыре.

– Тридцать четыре, – повторил он, покачивая тяжелой крупной головой. – Возраст, когда жизненный опыт потихоньку начинает перерождаться в мудрость... Пива хочешь? – Он опустил руку под стол и вытащил оттуда темную бутылку и стакан. – Теплое, правда. Зато "Бавария". Тут все пьют баварское пиво и смирновскую водку. Не то, что мы пили в афганскую войну – вонючую кишмишовку и спирт, который покупали в вертолетном полку. Не забыл?

Я не притронулся к стакану, через край которого медленно переваливала пышная бородастая пена.

– Обиделся, – решил Локтев. – А напрасно.

Он поднялся из-за стола, подошел ко мне, обнял за плечи.

– Ты, Кирилл, хороший парень, но...

Он не договорил. Или не подыскал подходящего слова, или не захотел показаться слишком грубым. Мы вышли в коридор. Я шел следом за Локтевым. Встречные офицеры снова шарахались в стороны. Я шел за ним, как за бульдозером.

Во внутреннем двореке Локтева дожидался "Уаз". Я сел на заднее сидение. Минут двадцать мы кружили по городу, который отчасти был мне знаком. Дорогой Локтев молчал, лишь изредка и односложно говорил водителю, в какую сторону сворачивать. Машина на высокой скорости покачивалась, будто раскаленный на солнце асфальт стал прогибаться под колесами. Я думал над тем, какие слова готовит мне Локтев, и что я отвечу ему. Настроение, с которым я входил в штаб, сменилось чувством легкого разочарования. Я надеялся в лице Локтева обрести союзника, а на деле выходило, что этот человек наверняка станет мешать мне.

Мы остановились у сквера, откуда веяло влажной прохладой фонтанов, рассеивающих между деревьев водяную пыль. Локтев, похоже, был здесь не первый раз. Он снял кепи, кинул ее на сидение и уверенно пошел по тропе к пруду. Мы сели за столик под полосатым зонтиком. Пара лебедей, дремавших на середине пруда, бесшумно устремилась к нам. Пригнув голову, в тень зонта вошел официант.

– Здравствуйтесь, товарищ полковник! – сказал он Локтеву.

– Привет, Сафар! – кивнул Локтев.

– Кушать будете? Плов, шашлык?

Локтев вопросительно глянул на меня. Я отрицательно покачал головой.

– Не надо, – сказал он официанту. – Только чай и сигареты. У тебя есть хорошие сигареты?

– "Бонд", "Кэмел"?

Я наблюдал за Локтевым. Не знаю, насколько я изменился за время, прошедшее после нашей совместной службы в Афгане, но Володю Локтева трудно было узнать. Годы, трудности, лишения, переживания – ничто так не меняет людей, как власть.

– У меня мало времени, – сказал он, когда официант отошел, – поэтому я хочу, чтобы ты еще раз внимательно выслушал меня, еще раз хорошо обо всем подумал, а потом уже принимал окончательное решение. Мы с тобой два с половиной года утюжили животами афганскую землю, не щадили себя и делали все, что от нас требовалось. Ты помнишь, о чем мы тогда мечтали? Вернуться в Союз и первым делом вымыться в тазу с шампанским. Ты помнишь, какие наивные были у нас мечты? Мы думали, что дома станем национальными героями. А о нас вытерли ноги. То же будет и с теми, кто сейчас подставляет головы на границе. Но этих парней пока еще не предавали по-крупному, и они верят, что вернутся со щитами и пройдут через триумфальную арку.

Он замолчал, ожидая, пока официант расставит на столе чайный сервиз, блюдце с колотым сахаром, массивную хрустальную пепельницу, сигареты, спички. Локтев кивнул, поторапливая, коснулся пальцами его спины.

– Но ты ведь уже не можешь этому верить! – продолжил Локтев, когда мы снова остались одни. – Только кретин может второй раз подряд наступить на грабли. Улетай отсюда как можно быстрее, возвращайся домой, требуй, вырывай, отбирай то, что тебе положено, то, что ты давно заслужил! И ради бога, не пытайся посмотреть на гильотину снизу и, тем более, смазывать ее шарниры.

Он говорил не о том. Но я молчал, не перебивал, как он и просил. Локтев тоже замолчал. Кажется, он понял, что в нашем случае надо либо говорить откровенно, либо не говорить вовсе.

– Ну, что ты молчишь? – не выдержал он.

– Ты же сам просил.

– Я не о том! Пей чай, а то остынет.

Я плеснул в пиалу немного рыжей водички. Разве это чай, думал я, покачивая пиалу в ладони. И что они находят в этой несладкой горячей воде с привкусом соломы? Часами пьют, и ведут разговоры. И Локтев привык к этому обычаю – не мог обойтись без пиалы с чаем. А может быть, этот ритуал – всего лишь вспомогательный инструмент восточной хитрости и лицемерия? В любой удобный момент можешь замолчать, поднести ко рту пиалу, сделав паузу, чтобы обдумать следующую фразу?

Я поставил пиалу на стол. Я мог обойтись и без нее.

– Если тебе неприятно говорить о наркотиках, – сказал я таким тоном, словно речь шла о контрабандных сигаретах, – то каждый из нас останется при своем мнении.

Локтева распирало от возмущения и, кажется, от бессилия. Он, несмотря на то, что я говорил довольно тихо, процедил сквозь зубы:

– Ты можешь не орать, как на футболе?

Он закурил, при этом так яростно стиснул зубами фильтр, что тот в конце концов оторвался, и Локтев в сердцах швырнул сигарету на пол.

Я невольно поставил его перед выбором: быть со мной, как того требовало наше боевое братство, или же отказаться. Если бы Локтев сейчас сказал, что, мол, прости, Кирилл, но мне надо подумать, о семье, о старшем сыне, которому пришло время поступать в институт, о жене, которой надо лечиться в санатории с минеральным источником, мое мнение о нем не

изменилось бы ни на йоту. Собственно, получив письмо, я был готов к такому ответу и хотел от Володи только одного: чтобы он поставил меня на должность в разведроту и предоставил возможность командовать группой солдат на прикрытии границы.

Локтева терзала совесть. Он машинально выпил весь чай, крикнул Сафару, чтобы тот принес еще, да не эту ослиную мочу, а покрепче, затем повернулся ко мне и неожиданно буднично спросил:

– Тебе жить надоело, Кирилл?

Я отрицательно покачал головой.

– Как раз наоборот.

– Тогда в чем же дело?

– Я хочу, чтобы меня оставили в покое. А для этого надо разворошить весь этот поганый муравейник.

– А по силам ли тебе это, Кирилл? Не много на себя берешь?

– Мне ничего другого не остается.

– Разве ты не можешь вернуться в свой курортный рай и обо всем забыть?

– Не могу. Уж слишком часто они напоминают о себе. Терпение лопнуло.

Локтев смотрел на меня с недоверием.

– Интересно, – произнес он, с прищуром глядя на меня. – И как же это они напоминают о себе?

– А ты выслушаешь не перебивая? – усмехнулся я и подробно рассказал Локтеву о последних событиях, которые произошли со мной в Крыму. Чем дольше я говорил, тем все более мрачным становилось его лицо.

– Вот что, – глухим голосом сказал он, когда я замолчал. – Ничего ты не добьешься. Тебе просто оторвут голову. Я уже писал – это не твое дело.

– Я знаю столько, сколько не знают ни милиция, ни фээсбэ.

– Это твоя беда, а не преимущество.

– Я буду мстить, – упрямо повторил я. – По-другому уже не могу. Теперь в этом смысл моей жизни.

– Да брось ты! – поморщился Локтев, словно я наступил на его мозоль. – По-другому не могу, смысл жизни! – передразнил он меня. – Ты как Павлик Морозов размышляешь!.. Ну что? Что тебе известно? Что из Грозного в Афган летают самолеты и сбрасывают какие-то ящики? А кто это видел? Кто это докажет? Какой-то малознакомый тебе парень, которого, кроме всего прочего, давно хлопнули? Что еще тебе известно? Что через Пяндж сюда, а потом в Россию идет поток наркотиков? Нам это давно известно, мы перехватываем банды и находим у них наркотики.

– Ты знаешь, что я имел в виду не это.

– А что ты имел в виду? Что кое-кто из контингента миротворческих сил замешан в контрабанде? Ты знаешь, кто это? И сможешь доказать?

– Пока не знаю. Но надеюсь в скором времени выяснить.

– Ах, ах, ах! – театральнo схватился за голову Локтев. – Этим уже не первый год занимается контрразведка Таджикистана и России, но как раз не хватало Вацуры, чтобы пролить свет на все темные дела, которые здесь творятся.

– Ты можешь иронизировать сколько твоей душе угодно, но это так.

– Ну откуда ты взял, что у нас работают люди от мафии? Книжек начитался или фильмов посмотрелся?

– Ты очень быстро забыл Алексеева.

Володя набычился, уставился в свою пустую пиалу. Нет, Алексеева он не забыл, и, по моему, совесть моего собеседника до сих пор не спокойна – ведь он сам "вычислил" Алексеева, когда тот под видом домашних вещей офицеров переправлял в Москву военным бортом, минуя

таможни, неучтенный груз. Володя мог ему помочь, тем более, что Алексеев готовил "бомбу", намереваясь сообщить в прокуратуру о всех своих связях с наркомафией, но не успел. Его убили в собственном номере гостиницы "Таджикистан".

– На Алексееве все и закончилось, – сказал Локтев, хотя и без прежней уверенности в голосе. – Теперь я вместе с группой камээсовцев¹ лично контролирую отправку грузов военными бортами.

– Алексеев был не один, он работал в паре с Вольским, – сказал я.

– С Вольским? – недоверчиво усмехнулся Локтев. – Ну ты и фантазер! Вольский давно служит в Москве! Откуда у тебя эта информация?

– Ты знаешь, что я в прошлом году был в Южной Америке?

– Наслышан, наслышан про твои подвиги, – закивал Локтев. – Кажется, ты отстал от туристской группы?

– Что-то вроде того, – уклончиво ответил я. – Но суть не в этом. Мне в руки случайно попали схемы контрабандных путей и списки ответственных на участках. Я нашел их среди обломков частного вертолета, разбившегося в сельве. В тех списках фамилия Алексеева значилась в паре с генералом Вольским.

– Ну, допустим, – согласился Локтев, – что наш первый дивизионный коммунист, честь и совесть соединения Дима Вольский каким-то образом был причастен к контрабанде наркотиков из Афгана. – Допустим! – повторил Локтев, подняв указательный палец вверх и выразительно глянув на меня. – Но теперь он в Москве, рвется в депутаты, а его напарник Алексеев стал жертвой загадочного убийства. Что теперь ты будешь делать здесь? Какого черта тебя сюда принесло? Хочешь самолично перекрыть границу и остановить поток наркотиков? Но на это, дорогой мой, тебе не то что взвода будет мало, тебе и дивизии, и даже армии не хватит. Уж поверь мне, я третий год здесь дурью маюсь, пытаюсь заткнуть дыры в Пяндже.

– Я хочу выяснить, кто теперь крутится вместо Алексеева и Вольского, – ответил я.

Локтеву мой ответ не понравился. Он хмыкнул, опустил глаза, стал тарабанить пальцами по пачке сигарет.

– Значит, ты по-прежнему уверен, что среди нас кто-то занимается контрабандой?.. Мда!.. А меня, случайно, ты не подозреваешь?

Я промолчал. Доводы у Локтева исчерпались. Он сопел и пытался вытрясти из чайника последние капли.

– Ну, хорошо, – сказал он примирительно. – Найдешь ты людей, которые завязаны на наркотиках. А дальше – что?

– А дальше я выйду на тех, кто их скупает в Москве.

– И что? Пойдешь в милицию?

– Нет, я предпочитаю работать в одиночку.

– Кирилл, ты смешон. Не строй из себя Робин Гуда или графа Монте-Кристо. Мне будет жалко тебя потерять. Нас, кто служил в кундузском полку, и без того мало осталось. Ты хочешь денег? Или славы? Или ты борец за справедливость?

– Нет, все проще, Володя. Я хочу отомстить.

– Боюсь, что я не смогу тебе помочь. Даже если я хочу мстить, то не им.

– Я знаю это и ничего у тебя не прошу, кроме одного.

– Ты хочешь, чтобы я доверил тебе командовать людьми?

– Да.

– Могу предложить тебе должность у нас в штабе. Пойдешь на узел связи?

– В штабе я служить не буду.

¹ Камээсовцы – (КМС) Подразделения из СНГ, входящие в состав объединенного командования миротворческими силами в Таджикистане.

– Там ты сможешь прослушивать все телефонные разговоры. Может быть, и контролировать почту.

Я заметил на губах Локтева усмешку. Он словно проверял меня.

– Мне кажется, – сказал я, – что мы торгуемся. Ты напрасно мучаешься. Пусть совесть твоя будет спокойна. Ведь ты мог ни о чем не знать.

– Да, – задумчиво произнес Локтев и покачал головой, словно хотел сказать, что благодарен мне за эту подсказку, но она все же не принесла облегчения. – Да, мог не знать. Но вся беда в том, что знаю.

– Это мое дело, пойми же ты! Мое личное, персональное, глубоко интимное! Считаю, что здесь замешана баба, что я не хочу чьей-либо помощи и соучастия!

– Врешь ты все, – устало ответил Локтев. – Ты просто жалеешь меня и пытаешься убедить в том, во что сам не веришь.

Он вдруг в ярости сжал в кулаке полупустую пачку сигарет и швырнул ее под себя.

– Появился ты на мою голову! – сквозь зубы произнес он. – И лезешь со своими дурацкими утешениями. Я не боюсь их, понял?! Я никогда никого не боялся, и ты это хорошо знаешь! Ты помнишь апрель восемьдесят четвертого, Панджшер? А южный спуск с Саланга, когда на нас сверху ссали пулеметным огнем и сожгли полколонны? Ты помнишь, как вся рота лизала пыль и не могла оторвать морды от асфальта? Ты помнишь, сколько нас осталось?.. И было бы еще меньше, – добавил он тише, – если бы ты не вытащил меня из-под обстрела.

Все, подумал я. Нет больше Володьки Локтева, того лихого и отважного ротного, который в апреле восемьдесят четвертого на южном спуске с Саланга показывал чудеса храбрости, который вывел остатки роты из огненного мешка, боевой машиной пехоты расчистив дорогу от полыхающих бэтээров и "Камазов". Звание Героя ему не утвердили только по той причине, что у него был выговор по партийной линии. Полк в знак протеста написал петицию в ЦК КПСС. Скандал был невиданный. Из Москвы и округа нагрянули комиссии, холеные, лоснящиеся от чистоты и выбритости полковники и генералы орала на почерневших от войны, завшивленных от жары и грязи, в пропыленных до белизны "хэбэ" офицеров и солдат, стыдили, угрожали им какими-то смешными по сравнению со смертью выговорами, а потом возвращались ближе к Кремлю и вешали на свои груди новые ордена. Нет больше Володьки Локтева. Тот, воин от Бога, остался где-то в Афгане, в копоти, пыли и зное, наполненном ревом боевых машин и рокотом "вертушек". А полковник, сидящий сейчас передо мной, был всего лишь его искаженной копией, носящей те же имя и фамилию; ему нечем было доказать свое мужество, кроме как воспоминанием о прошлом.

Я встал из-за стола. Локтев, не поднимая головы, рявкнул:

– Сядь, я тебя еще не отпустил!

Он уже разговаривал со мной, как с подчиненным. Я ждал, когда он поднимет глаза. Локтев тарабанил пальцами по столу. На глубоких смуглых, почти черных, затылках блестели крупные капли пота. Он чуть дернул головой, глянул на меня исподлобья. Мне было его жалко, точнее, того юного ротного, который не боялся смерти только потому, что слишком мало с ней встречался и безоглядно верил в свое бессмертие.

Локтев все понял по моему взгляду. Он провел ладонью по седеющим волосам, зачесывая их назад, и глухо произнес:

– Прости...

Мы возвращались к машине молча.

На следующий день он подготовил мне предписание в приграничный полк, сам позвонил его командиру и попросил, чтобы тот поставил меня на должность старшины разведроты. Перед отъездом он подарил мне трофейную финку с тяжелой эбонитовой ручкой, обтянутой кожей и украшенной медными кольцами, и лезвием, длиной почти в две ладони.

3

Акации не требуют много воды. Им легко выжить в высохшей земле. Листья мелкие, как монеты в ладони скупца, они почти не испаряют влагу. Но и тени от них никакой. Вроде бы, дерево как дерево, а постоишь под ним полчаса, и мозги от зноя плавиться начнут.

Я тряхнул головой, избавляясь от капелек пота на лбу, как от надоедливых мух. Передо мной стоял строй солдат. Эти были не те парни, с которыми я когда-то таскался по Афгану. Они не имели ничего общего с теми худыми мальчиками с комсомольскими значками и фотографиями прыщавых девчонок в нагрудных карманах, которых переполненными самолетами закидывали в пустыню выполнять интернациональный долг. Эти молодые и зрелые люди уже многое успели повидать и испытать в своей жизни. Они знали ей цену и продавали ее, без затруднений подсчитывая выгоду.

Незнакомые лица с вялым любопытством уставились на меня. Белели бритые головы под пятнистыми кепками. Наемники молча ждали команды, отработывая свои деньги.

– Моя фамилия Вацура, – представился я. – Пока у вас нет командира взвода, я буду выполнять его обязанности.

Краснощекие амбалы, худощавые парни, измотанные жизнью и алкоголем мужи смотрели на меня почти с безразличием. Несколько ртов ритмично жевали жвачки. От строя смердело высокомерием.

Нет, это не то, мысленно повторил я и опустил голову. Я не мог смотреть на этих людей. Они были бесконечно чужды мне.

– Для начала, – не поднимая головы, сказал я, – проведем занятие по физической подготовке. Я бегу первым. Не отставать и не растягиваться по дистанции.

Тропа шла вокруг стадиона, по полю мимо домов офицерского состава, петляла между окопов, отрытых несколько лет назад, в дни кровавых весенних событий. Акации, смыкаясь кронами, закрывали небо, и на этой части трассы было сумрачно. Взвод гремел тяжелыми ботинками за моей спиной; сопели, отхаркивались и сморкались разогревшиеся наемники.

Перед окопами, заросшими высокой травой, я оторвался от группы, вынуждая и солдат увеличить скорость, и стал резко менять направление, петляя между ям-ловушек.

За моей спиной раздались крики, ругательства, несколько человек тяжело упали под ноги своих товарищей, кто-то уже стонал, подвернув ступню, кто-то матерился, посылал кого-то куда-то, просил не толкаться. Одни пытались чаще перебирать ногами, чтобы не угодить в прыжке в окоп, другие, наоборот, прыгали, как козлы на горной тропе. Группа сильно растянулась, и следом за мной на поле выбежало лишь несколько человек. Не снижая темпа, я устремился по изрытому сточными водами, заваленному стволами упавших деревьев, булыжниками, поросшему высокой травой лугу. Здесь бежать было не легче, а может быть, даже сложнее, и на новых препятствиях снова падали солдаты, разбивая себе до крови локти, носы и лбы, и я зло кричал, чтобы включили мозги и думали над каждым движением. Через километр, когда многие безнадежно отстали, а самые стойкие едва передвигали ногами, я свернул на подъем, где не было ни тропы, ни утрамбованного грунта, лишь песок вперемешку с камнями, в которых увязали ноги, и подниматься по которому можно было только на четвереньках, цепляясь руками за ветви хилых кустарников. На верхнюю тропу вместе со мной выбежали только трое. Четвертый, вываленный в песок, как котлета в сухарях, выползал на край обрыва, тянул на себя клочки пожухлой травы, вырывал их с корнями, царапал землю, стонал, пытаясь забросить ногу, чтобы вытащить себя. Я присел рядом с ним, капли пота с моего лба падали на сержантские лычки наемника.

– Ну что, солдат фортуны, подыхаешь? Немножечко уже навоевался? Как фамилия?

– Герасимов, – с трудом разлепив губы, ответил он.

– Ну что ж, Герасимов, для начала неплохо.

* * *

Вечером меня вызвал к себе командир полка.

– Вацура! – орал он, глядя на меня снизу вверх, так как был почти на голову ниже. – Что ты себе позволяешь? Это не спортрота! Эти парни под пули на границу ходят. А ты кто такой?..

Я не дослушал его и вышел из кабинета, с силой хлопнув за собой дверь.

В комнате на семь человек, где мне определили место, под тусклой лампочкой, едва освещавшей фанерные стены, обклеенные журнальными фотографиями голых женских тел, вокруг застеленной газетой табуретки, сидели люди в пятнистых брюках. При моем появлении они замолчали, занялись хлебом и редиской, высыпанной на придвинутую койку. Сигаретный дым смрадным туманом висел под потолком. Потные смуглые торсы, с сизыми нашлепками татуировок, блестели в тусклом свете. Один из них встал, налил в стакан водки и подошел ко мне. Я узнал сержанта Герасимова. На его шее болтался шнурок с амулетом, а на запястье матово отсвечивала стальная бирка с выгравированной группой крови.

– Выпей с нами, – сказал он.

Я отрицательно покачал головой и лег на свою койку.

– Не хотят, – Герасимов пожал плечами, вздохнул и вернулся к "столу", поставил стакан и снова подошел ко мне. – Не переживай, – сказал он. – Все правильно. Ребята тебя уважают. А кто не хочет уважать, после отпуска сюда уже не вернется.

Пусть не возвращается, мысленно согласился я и провалился в сон, как в яму.

4

Утром в столовой офицеры говорили вполголоса и перебивали друг друга. Никто ничего не знал точно, каждый лишь пересказывал то, что слышал от других. Ночью в очередной раз обстреляли погранзаставу. Сначала "духи" поливали длинными очередями из автоматов и пулеметов, а потом, до рассвета, хлопали одиночными выстрелами и постоянно меняли позиции, чтобы их нельзя было накрыть ответным огнем. Были потери. Одни утверждали, что убито трое, другие – что восемь или даже одиннадцать человек.

Официантка Люся, немолодая, с изношенным лицом женщина, самоотверженно играющая роль девочки, принесла мне холодный комок макарон, политых рыбными консервами, и села за стол напротив. От нее пахло хлоркой. Она оперлась щекой о кулак, и ее правый глаз превратился в щелочку, отчего казалось, будто ей заехали под глаз кулаком. Люся привыкла, что где-то недалеко постоянно убивали наших ребят, и не горевала по этому поводу.

– Добавки принести? – спросила она, улыбаясь, когда я отставил тарелку от себя.

– Разве я сделал тебе что-нибудь плохое? – вопросом ответил я.

Люся уже давно потеряла надежду выйти замуж, но по привычке клеилась ко всем новым мужчинам в полку, пока они, не огрубев на границе, вели себя относительно вежливо.

Днем я видел тех несчастных. Их было семеро – четверо убитых и трое раненых. Их заносили в "вертушки" на носилках. Один раненый шел сам, опираясь о плечо солдата. Вокруг носилок, прикрытых брезентом с бурыми пятнами, прохаживался низкорослый, худой, как подросток, лейтенант с тлеющей папиросой во рту. Несмотря на свой свежий возраст, его темя белело плешью, оттененной черными, как смола, волосами. Он морщился, но поглядывал на носилки с профессиональным интересом. Позже я узнал, что это был начальник "черного тюльпана" – полевого морга при душанбинском госпитале Эдик Бленский. Пара темно-зеленых вертолетов с большими красными звездами на бортах зависла над футбольным полем, затем задрапа хвосты и стремительно взвилась в небо, увозя в себе живых и мертвых в госпиталь.

* * *

Через неделю мы меняли батальон, простоявший на прикрытии границы почти два месяца. Это были почерневшие от пыли и солнца люди, возраст которых теперь можно было определить лишь очень приблизительно. Постоянный дефицит воды и жара высушили их, и кожа на их лицах и руках теперь напоминала коричневый пергамент.

Два месяца они ждали замены, чтобы вернуться в полк, в свои фанерные общаги, которые в сравнении с окопами и десантными отделениями боевых машин могли показаться пятизвездочными отелями, два месяца они думали только о том, как получают деньги – огромные деньги по таджикским меркам, как закупают пива и водки и зальются ими, как потом будет дрожать от разгула пьяных рот ночной военный городок, как жалобно станут подвывать собаки, вторя дикому реву, в котором только при большом желании можно будет распознать песню.

Но все эти глупые, приземленные цели, которые могут быть порождены лишь убогостью фронтовой жизни, за два месяца ожидания потеряли привлекательность, как хронически голодающий человек постепенно утрачивает чувство аппетита, желания перегорели и, вопреки моему ожиданию, у заставы, где мы меняли одну из рот, не было ни суеты, ни спешки. Отработавшее свое люди с безразличными лицами грузили на машины одеяла и матрацы, вяло приветствовали замену, обнимались, словно узники концлагеря со своими освободителями, не спешили покинуть окопы, ячейки и блиндажи, с удовольствием фотографировались, пози-

руя на фоне Пянджа, словно сроднились с этой полоской земли, разделяющей стену гор и границу-реку и теперь грустили по поводу расставания.

Меня тронул за плечо парень в маскхалате, одетом на голое тело.

– Ты командир взвода? – спросил он, покосился на мои погоны, протянул руку и представился: – Игнатенко, начальник заставы. – И без всякого перехода, тоном, каким отдают приказ: – У тебя четыре бээмпэ? Поставишь их по периметру вокруг заставы, стволы вверх до упора, каждому наводчику укажешь сектор в девяносто градусов. Людей раскидаешь по этим трем холмам. Там ячейки отрыты... Имей в виду, – добавил он, – твоя задача – беречь заставу. Нас обстреливают практически каждую ночь.

Собственно, я не был обязан ему подчиняться, и задача моя состояла в том, чтобы прикрывать не столько заставу, сколько границу на участке в несколько километров.

– Что-нибудь не ясно? – вызывающе спросил он.

Новый человек, каким я был для начальника заставы, создавал для него новые проблемы. Он привык к взводу, который мы меняли, он давно нашел общий язык с его командиром, они два месяца вместе отражали обстрелы, они ели из одного котла и пили одну водку. Я был способен понять и пощадить чувства Игнатенко, молча кивнул головой и пошел к технике по мелкой, как сахарная пудра, пыли.

Пока я обошел все позиции, стало темнеть. По склонам пологих холмов, покрытых короткой, выжженной на солнце травой, брэнча жестяными колокольчиками, протопало бежевое стадо овец. Солнце скрылось за зубчатой каймой гор, и Пяндж потемнел, из серебристого превратился почти в черный. На афганском берегу, среди лепных сараев-домиков, нагроможденных друг на друга и разделенных дувалами, которые оцетинились торчащими из него во все стороны соломинками, заструились вверх полупрозрачные дымки. С редким лязгом, выдувая из себя клубы выхлопов, вокруг "колючки" кружились боевые машины пехоты, занимая давно отрытые и местами осыпавшиеся окопы. Начальник заставы отправлял на маршрут наряд. Похлопывая себя по бедру нунчаками, он ходил вдоль строя, спрашивал обязанности, останавливал солдата, если тот отвечал быстро и уверенно и задавал новый вопрос другому.

Через час я вышел на связь с командиром роты и доложил, что взвод занял позиции согласно моему решению. С вершин холмов вниз по тропинкам побрели за водой гонцы.

Ночь прошла спокойно. Никто не стрелял.

* * *

Пастух, белобородый старик, опирался на палку, которая была чуть ли не на половину выше его, и казался рослым и стройным, а Игнатенко, стоящий рядом в одних брюках, поблескивая вспотевшим торсом, – худым и беззащитным. Я не слышал, о чем они говорили, а когда подошел, пастух уже догонял свое бежевое брэнчащее стадо.

– Где он живет? – спросил я, кивая на старика.

– Там, – неопределенно махнул рукой Игнатенко. – В овчарне, километра два отсюда.

Его насторожил мой вопрос и взгляд, которым я провожал стадо.

– Пастуха ты не трожь, – добавил Игнатенко. – Это человек наш. Он мне баранину на заставу поставляет.

– Пусть поставляет, – ответил я.

Игнатенко грыз кончик высохшей соломинки и, щурясь, смотрел на меня.

– Ты здесь человек новый, – медленно произнес он, словно еще не знал, что скажет дальше. – В обстановку еще не въехал. Здесь много нюансов, со временем ты во всем разберешься. А пока сильно не напрягайся, не то дров наломаешь. Ясно?

– Не совсем.

– Ты уйдешь, а мне здесь служить. Сиди на позициях и будь готов дать отпор, если на тебя нападут. За инициативу здесь лишних денег не платят. А подстрелить могут с легкостью необыкновенной. Теперь ясно?

– Где убили четверых солдат?

– Здесь и убили. – Игнатенко повернулся и махнул рукой в сторону берега. – Вот там, рядом с промоиной. Шарахнули по бээмпэ из безоткатки, их всех осколками посекло.

– А зачем? Ради чего?

– Что – ради чего? – поморщился Игнатенко.

– Чего они хотели?

– Кто? "Духи"?.. Послушай, ты с луны свалился? Не знаешь, что они туда-сюда толпами шастают?

– А если бы тебе надо было перейти? Стал бы переправляться рядом с заставой?

– Что?! Ну, бля, академиков прислали! – выругался Игнатенко и развел руки в стороны.

Ближе к вечеру, когда немного спала жара, я взял с собой Герасимова и еще одного солдата и пошел посмотреть на овчарню. Ничего интересного. Старый, зияющий дырами, загаженный овцами сарай. Рядом с ним – ветхая пристройка с крохотным мутным оконцем. Замка на двери не было, и мы заглянули внутрь. Топчан, печка-буржуйка с чайником на чугунной крышке, одноногий стол, застеленный почерневшей от старости клеенкой. Здесь, должно быть, старик изредка ночевал, если по каким-то причинам не уходил в кишлак.

Единственное, чему можно было удивиться – как старик еще не помер, выкуривая столько сигарет. Земляной пол, как ковром, был покрыт раздавленными окурками. Хорошие сигареты предпочитал пастух – "Кэмэл", "Мальборо", "ЛМ".

Во взвод я вернулся один – парни остались ночевать недалеко от овчарни.

Ночью меня разбудили редкие звуки выстрелов. Я спрыгнул с передка бээмпэ, который служил мне кроватью, и взобрался на ближайший холм.

Полная луна висела над Пянджем, освещая холодным светом призрачные горы. Малиновые огоньки трассеров скользили по черному небу со стороны афганского берега, а следом за ними долетала отрывистая дробь. С нашей стороны прозвучала ответная очередь, затем откликнулись пограничники. И снова стало тихо.

На связь вышел ротный, спросил, чем мы занимаемся, усталым и безразличным тоном давая понять, что он и так прекрасно знает, что ничем серьезным.

5

– Человек пятнадцать. Может, восемнадцать. Точно сосчитать было трудно – темно, – рассказывал Герасимов. – Там место для наблюдения неудобное – холм дает тень от луны. Как они пришли – мы вообще не видели. Только шаги, тихие разговоры. Потом огоньки сигарет заметили. Вокруг овчарни три огромных пса носились, нам бы задницы они изорвали в минуту, а этих не тронули, даже лая не было.

Он снял с головы темно-зеленый платок, промокнул им вспотевшее лицо.

– Эти люди были с оружием? – спросил я.

– Не заметил. Кажется, без.

– Что, в руках вообще ничего не было?

– Рюкзаки, мешки были.

– Сколько они пробыли на овчарне?

– Час от силы. Потом по тропе дальше пошли. Сначала одна группа, потом другая. Частями.

– Хорошо. Спасибо, – сказал я Герасимову, пожимая ему руку.

* * *

Люди, окружавшие меня, по сути, мои союзники, единомышленники, ставили передо мной непреодолимые барьеры. И это оказалось самым трудным препятствием в моем деле. Игнатенко невзлюбил меня. Я не страдал от этого чувства, молодой человек был мне безразличен. Но его самоуверенность и высокомерие мешали мне работать. Если бы я мог рассказать ему о своих планах, возможно, он пошел бы мне навстречу, но здесь я вообще не мог доверять кому-либо в полной мере.

Что я хотел выяснить? Что постоянный поток контрабандистов с наркотиками идет через Пяндж. А затем? В Куляб? Курган-Тюбе? Или сразу в Душанбе? Каким образом наркотики попадают на борта военных самолетов? В какой упаковке? В конце концов, кто отвечает за их погрузку?

Пока что я не ухватил даже самый кончик этой нити и еще четко не представлял, как буду это делать. То, что граница во многих местах, образно говоря, "дырявая", я убедился в первую же неделю пребывания на заставе. Катастрофически не хватало людей. Собственно, два взвода, одним из которых я командовал, обеспечивали только оборону заставы. Десятки километров берега влево и вправо пограннаряды были не в силах перекрыть. Я почти не сомневался в том, что группа людей, которую засек Герасимов несколько ночей назад, пришла на этот берег из Афгана и, надо полагать, не с добрыми намерениями.

Я с опозданием клял себя, что как следует не организовал наблюдение за овчарней. Нужна была как минимум двусторонняя радиосвязь, как минимум десять бойцов. Тогда можно было, не выдавая себя, пасти эту группу и выявить механизм передачи наркотиков (или оружия, что тоже не исключено) следующему этапу.

В следующий раз буду умнее, думал я, под следующим разом подразумевая одну из ближайших ночей, когда заставу снова начнут обстреливать. Обстрел, как я полагал, был всего лишь отвлекающим маневром, который давал возможность контрабандистам спокойно переходить Пяндж на каком-нибудь тихом участке.

Еще я заметил одну интересную закономерность: Игнатенко, что было естественно, инструктировал наряд всегда в одно и то же время, и в это же время, с точностью до минуты, пастух прогонял мимо заставы свое стадо. Маршруты наряда, выходящего на патрулирование,

и пастуха на мгновение пересекались. Солдаты приветствовали деда, тот в ответ поднимал вверх свою палку. Я не спешил с выводами, но все-таки при случае сказал об этом начальнику заставы.

– Да что ты к деду привязался, Кирилл! – взмолился Игнатенко. – Угомонись, займись лучше своими бойцами, они по заставе, как у себя дома шатаются. У меня свой график, у баранов – свой. Я не вижу ничего страшного в том, что наши пути иногда совпадают.

Он был непрошибаем, и у меня начисто отпала охота говорить ему о группе людей, замеченных на овчарне. Он бы тотчас нашел какое-нибудь банальное объяснение этому – приехали гости, пришли колхозники, коммерсанты, шашлычники, сваты, готовящие свадьбу, за баранами – и я со своей гипотезой о нарушении границы выглядел бы, в самом деле, как идиот.

Я понимал Игнатенко. Человек он, конечно, в меру опытный, несмотря на свои юные годы, и всякие советы со стороны, как ему казалось, унижали его достоинство и ставили под сомнение его компетентность. Пограничники вообще народ особый. Элита армии, они привыкли смотреть на пехоту, "соляру", свысока.

Треть моего взвода, а это человек семь, уже выезжала на прикрытие. Остальные, как и я сам, были на границе впервые, хотя внешне парни выглядели очень воинственно. Рослые, загорелые, бритоголовые, повязанные платками, в черных очках, некоторые вместо поясного ремня носили пулеметные ленты. В этом маскараде было, возможно, больше антуража и показухи, чем естественной необходимости, но, как ни странно, я был уверен, что в бою они будут вести себя соответственно – вызывающе и смело.

* * *

Ночью мне снилось, что я лечу на самолете, как вдруг он с протяжным воем стал падать. В салоне началась паника, крики, толкотня у пилотской кабины. Стюардесса с подносом в руках скороговоркой что-то говорила мне, но я не мог разобрать ни слова. Тогда она кинула поднос под ноги и стала рвать на мне застежку привязного ремня. Я слышал, как трещит обшивка, как взрываются двигатели, разбрасывая вокруг обломки крыльев...

Я открыл глаза, ощутил себя лежащим под одеялом на передке боевой машины, но возвращение в реальность не принесло облегчения. Вокруг меня что-то происходило, в отблесках огня металась тень, раздавались крики, беспорядочные выстрелы.

Я машинально схватил автомат, лежащий под рукой и, как был, босиком, в одних брюках, вскочил на башню. На территории заставы полыхала пристройка к казарме. Огонь только вспыхнул, но разгорался стремительно и уже цеплялся за ветки стоящего рядом дерева, полз по фанерной стене, перекидывался на крышу. Солдаты, беспрестанно горлая по-таджикски, носились по алее перед пожаром, срывали со щита выкрашенные в красное лопаты, ломики, конусовидные ведра, но не знали, что с ними делать и принимались давать друг другу указания. Скрестив на груди руки и широко расставив ноги, перед огнем стоял Игнатенко. Он изредка поворачивал коротко стриженую голову в сторону и неслышно о чем-то говорил солдатам. Откуда-то со стороны, с нашего берега, на заставу летели малиновые трассеры. Как неоновые огни, они мельтешили среди плотных крон деревьев, неожиданно уходили рикошетом вверх, и там, среди звезд, затухали, исчезали, словно сами превращались в звезды. Рядом с заставой, из окопа, длинными очередями надрывался пулемет, посылая ответные трассеры в темноту.

Громыхнул взрыв, от которого я вздрогнул. По моему лицу прошла горячая волна, по броне защелкали осколки, яркая вспышка выкорчевала маленькое дерево на заставе, рядом со спортивным городком. Игнатенко даже не присел, снова крикнул солдатам, и те одновременно побросали ведра и лопаты и кинулись к казарме, а сам он спокойно пошел к выходу, будто ему все надоело, будто он разочаровался в службе, в подчиненных, смертельно устал, и теперь шел прочь, чтобы никогда не вернуться.

Я подал руку Шамарину, наводчику бээмпэ, который влезал ко мне на броню. Солдат, в отличие от меня, был в ботинках и даже пытался застегнуть куртку на ходу. Лицо его мне показалось черным, словно в глазницах зияли дыры, а во рту мерцала сигарета. Он был в солнцезащитных очках, и, наверное, один черт знал, что он видел в темноте.

– Ну-ка, Шамарин, вмочи им.

– Щас сделаем, – кивнул солдат, не вынимая изо рта окуроч. – А куда стрелять-то?

– По вершине холма. Чуть правее третьего отделения... Видишь?

– Щас замочим!

Он нырнул в люк. С тонким воем начала вращаться башня. Черный, тонкий, как жало, ствол описал дугу и замер, уставившись квадратной насадкой в пустоту.

Ожила макушка крайнего левого холма, с которого открыло огонь отделение Герасимова. Солдаты стреляли куда попало, они еще не видели цели и вели огонь наудачу.

Шамарин дал первую очередь. Броня вздрогнула под моими ногами, по ушам ударил тяжелый грохот. Мгновение спустя вдруг неожиданно дружным хором затрещала застава, в ночное небо устремился рой малиновых трассеров. Шамарин дал второй залп. Казалось, что от ствола отлетел красный шарик, но уже через мгновение замер, повиснув где-то между небом и землей, словно вишня, затем стремительно взмыл, как капля сока по руке, только снизу вверх, и исчез среди звезд.

– Ты мажешь, Шамарин! – крикнул я.

– Без паники, – отозвался он изнутри. – Щас исправим... Рация, возьми шлемофон!

Из-за грохота стрельбы я не услышал зуммер радиостанции. Нырнул вниз, прижал к щеке наушник.

– Ну что, "Лебедь", что у тебя там? – услышал я спокойный голос комбата Рефилова.

– Все нормально, "Первый", стреляем.

– Откуда огонь?

– С нашего берега. То ли безоткатка, то ли миномет. На заставе пожар.

– Ну что вы там с ними в пукалки играете? Не можете, что ли, заткнуть их в задницу на хер?! – ни с того, ни с сего начал заводиться комбат. – У тебя четыре брони, Вацура! Дай залп со всех стволов, размажь их по горе к едрене фене! Никакой помощи не жди, раздолбай этих мудаков, и чтобы я эту стрельбу через полчаса не слышал. Ясно?

Я выпрыгнул на броню. За "колючкой", лязгая металлом, двигалось что-то большое и темное. Я уловил запах жженой солярки.

– Какого черта? – невольно вырвалось у меня. – Кто ему разрешил?

Механик водитель вывел "ноль третью" машину из окопа. Она прогрохотала в тридцати метрах от нас и исчезла в темноте.

– Эй, чурка! – закричал Шамарин, высунувшись из люка, и повернул лицо ко мне. – Он что, шизданулся? Куда его понесло?

Трескотню автоматов разорвали тяжелые удары скорострельной пушки "ноль третьей". Бээмпэ гнала в сторону холма, откуда по заставе били из пулемета. Очередная мина шарахнула на берегу, на мгновение осветив утонувший в деревьях квадрат заставы, похожий на маленький парк. Донеслись крики, матерная ругань. Над нашими головами просвистели пули, и мы с Шамариным, словно он был моим отражением, одновременно пригнулись.

– Подай-ка шлемофон! – попросил я его, поднес микрофон к губам, надавил на тангенту и несколько раз запросил "Ноль третьего". Мне никто не ответил.

Я спрыгнул с машины и побежал вдоль заставы. Откуда-то из темноты на меня вылетел Игнатенко.

– Ты что блок снимаешь?! – закричал он, для начала обложив меня матом. – Прислали академиков, мать вашу, творят, что хотят! Сюда же сейчас "духи" вломятся и всем яйца поотрезают!

Я оттолкнул Игнатенко от себя. Объяснять ему ситуацию не было времени. За моей спиной снова тяжело застучала пушка Шамарина, и красные капли налипли на небо. Он уже опасался задеть ушедшую вперед бээмпэшку, и стрелял слишком высоко, скорее, запугивая тех, кто вел по нас огонь из миномета и безоткатного орудия.

Несколько раз я споткнулся, упал, ударяя автоматом о землю, ощущая дрожь и вместе с тем силу во всем теле – это почти забытое с времен Афгана чувство близкой опасности и вседозволенности. Я уже видел машину, бесформенное черное пятно, этакого урчащего монстра, который цепко прилепился гусеницами к склону и медленно полз наверх, но еще не думал над тем, как смогу остановить водителя – этого храброго безумца или пьяного дурака. В очередной раз за моей спиной рванула мина, но я уже не оборачивался и не знал, куда она угодила. Краем глаза увидел тень, мелькнувшую слева от меня, но не успел повернуть голову. Мне показалось, что взорвался сам воздух, которым я дышал и который обжигал мне легкие. Оглушительный взрыв заставил меня рухнуть на землю, лицом вниз. Тень упала рядом со мной.

– Вот бли-и-н! Вот едрена вошь! – услышал я голос Герасимова, поднял голову и увидел его голую спину и плечи, в которых отражалось пламя. – Подождли-таки!

Боевая машина пехоты полыхала, как свечи на юбилейном торте. Обе крышки люков на башне были сорваны и теперь свисали с брони, как лепестки цветка, на котором гадали. Огонь вырывался из проемов подобно газовой горелке. Машина продолжала двигаться, но теперь уже не вверх, а вниз, беззвучно скатываясь со склона.

Я вскочил, схватил за скользкую холодную руку Герасимова, отяжелевшего от увиденного зрелища, и оттащил в сторону – машина-факел набирала скорость, и мы едва не попали под ее гусеницы. Лицо залило нестерпимым жаром. Я опустил голову, глядя на машину исподлобья, кинул Герасимову свой автомат, он поймал его налету, не понимая, для чего я это сделал.

– Ложись! – громко зашипел Герасимов, словно опасаясь, что его могут услышать враги. – Стреляют!

Я не понял, как он услышал в таком грохоте свист пуль, но пригнулся. Что это давало, этот жалкий поклон земле, немного укорачивающий фигуру? Освещенный горящей машиной, я оставался прекрасной мишенью, и если бы я перестал двигаться, меня бы изрешетили в считанные секунды.

Машина лязгала в метре от меня. Это была самоходная доменная печь, и мне казалось, что волосы на моей голове уже давно обуглились, скрутились в спиральки, и я стал похож на негра. Я подождал мгновение, пока узкий лодочный передок не поравнялся со мной и, схватившись за крюк, прыгнул грудью на броню, зацепился пальцами за рифленку, подтянулся, оперся ногами о металл и дотянулся до люка водителя. Пули горохом сыпались на броню, но машина двигалась, я двигался, меня обволакивало дымом, превращая в мишень повышенной сложности. Я опустил голову в черный проем, как в бездонный колодец, едва не заорал от жгучей боли в глазах, вдохнул едкого дыма, желудок судорожно сжался, но я подавил в себе тошноту, схватил за что-то мягкое, податливое, рванул на себя безжизненное тело, перекинул руку ниже, нащупал брючный ремень, схватился за него. Машина начала давать крен, правая гусеница скатывалась в глубокую промоину. Рядом кто-то истошно кричал. Я не разбирал слов, мне некогда было поднять голову и посмотреть вокруг, но когда машина накренилась еще сильнее, и я стал сползать с брони, неожиданно близко от себя увидел перекошенное лицо Герасимова.

– Прыгай, козел! – орал он, размахивая руками. – Перевернешься на хрен! Взбесился, что ли?!

Машина уже не скатывалась, а неслась задом в пропасть. Я собрал остатки сил, встал на ноги, завел руки под мышки водителю и, словно борец, оторвал его от сидения, выволок на броню и вместе с ним упал с передка в траву.

Бээмпэ тотчас словно сквозь землю провалилась. Я несколько секунд безумными глазами смотрел на дрожащие отблески огня, выбивающиеся откуда-то снизу, потом услышал оглуша-

ющий грохот, не думая, сорвал пучок сухой травы, провел им по лицу. Оно онемело, и я не почувствовал прикосновения. Водила стонал. Он стонал давно, но я только сейчас обратил на это внимание.

– Герасимов! – позвал я и удивился тому, что голос мой был таким слабым.

– Я тута, – отозвался он из-за моей спины. – Иду-бегу! Ну, ты циркач!

– Где мой автомат?

– Цел твой автомат. Ты меня зайкой сделаешь... Живой этот чурка, в голову трахнутый?

– Стонет.

– Надо его на заставу отволочь.

– Застава горит... Послушай, Герасимов, сгоняй наверх, возьми двух парней понадежнее. Сходим туда, миномет приглушим. И фельдшера разыщи!

– Ладно, – не сразу ответил сержант, поглядывая по сторонам. – А миномет, вроде, уже и не плюется. Может, свалили?

– Нет, не свалили. Среди вас там никого не задело?

– Нет, вроде... Ну, ладно, я мигом.

Он исчез в темноте, а я, лежа на боку, нервным рывком оттянул затвор, загнал патрон в патронник, приподнял голову, глядя на заставу.

"Парк" погрузился во мрак. Пристройка, где начался пожар, то ли уже сгорела дотла, то ли ее все-таки затушили, но пламени больше не было. На заставе погасли все фонари – возможно, перебило проводку или же Игнатенко распорядился отключить питание. Тем не менее над моей головой с сухим шелестом пролетела очередная мина и угодила в спортивный городок, разворотив и сорвав с растяжек перекладину.

Шамарин не стрелял, и башня боевой машины с высоко поднятым стволом теперь торчала над окопом как гигантская курительная трубка, которая давно потухла. Зато проснулась и вступила в бой "ноль седьмая", стоявшая на противоположной стороне заставы, почти на берегу. Только она суетно, захлебываясь от спешки, почему-то стреляла по афганскому берегу, хотя я не видел на той стороне ни одной огневой точки.

Игнатенко предпринял какие-то маневры. На фоне серебряной ленты Пянджа я видел силуэты пограничников. Одна группа в три человека гуськом, низко пригибаясь, пробежала вдоль "колючки" к смотровой вышке и исчезла среди кустов. Вторая – тоже бегом – устремилась по дороге. Такую толпу, грохочущую ботинками по грунтовке, трудно было не заметить даже в темноте, и я не позавидовал ребятам, которых могло накрыть миной в любую минуту.

Герасимов то ли не понял меня, то ли не нашел еще одного добровольца. Ко мне он спустился с белобрысым и долговязым фельдшером из медпункта, прикомандированном на время прикрытия границы к батальону. Увидев раненого, первым делом спросил:

– А шо мне с ним делать?

Вторым был сержант Глебышев, командир отделения, которого лучше было бы не брать с собой, так как теперь на обоих холмах не осталось командиров. Но не было времени что-либо менять, потому что "духовский" миномет продолжал швырять из темноты мины, а беспорядочные автоматные трассеры никак не могли его достать, и осыпали склон пулями, как горохом. Фельдшер должен был передать в отделения, чтобы те прекратили бесполезный огонь по минометной позиции, и я, провожая взглядом его нескладную фигуру, подумал, что удивительно легко доверяю свою жизнь совсем незнакомому человеку, из-за мелкой халатности которого могу подставить под свои же пули и себя, и двух сержантов.

Глебышев показался мне слишком самоуверенным, увлеченным собственной персоной позером. Он вел себя так, словно уже несколько часов подряд только и занимался тем, как снимал с вершины холма миномет, да вот некстати привязались мы с Герасимовым, сели ему на "хвост" и теперь мешали своими неуклюжими движениями. Управлять такими людьми трудно и неприятно, каждое твое слово они воспринимают так, словно знал об этом с самого рожде-

ния. Глебышев фыркал и морщился, когда я ему объяснял, по какой стороне склона буду подниматься я, а по какой – он и Герасимов.

– Да все ясно, все ясно, – прерывал он меня. – Пошли, чего застряли тут!

Стрельба с наших холмов внезапно прекратилась, кажется, фельдшер догадался воспользоваться связью. Я стал ползком подниматься "в лоб", по южному склону холма, а сержантов отправил по противоположному. Самое главное было – подняться к позиции одновременно и при этом не перестрелять друг друга. Мы договорились, что они будут вести огонь строго перпендикулярно к Пянджу, ориентируясь по отблескам луны на его поверхности. Я же больше надеялся не на автомат, а на финку, подаренную мне Локтевым, которая в кожаных ножнах болталась на боку.

Я полз в кромешной тьме, хватаясь за пучки сухой травы, почти касаясь лицом земли, вдыхая резкий запах диких злаков. Страх не было. Время как бы вернулось вспять, и во мне легко и полностью проснулись все те навыки, которых я нахватался в афганской войне. Мне уже казалось, что двенадцать лет относительно спокойной и мирной жизни, которые прошли с того времени, как я в последний раз посмотрел на желтую кабульскую землю из иллюминатора самолета, увозящего меня из этой жестокой страны, как мне казалось, навсегда, эти двенадцать лет были всего лишь сном, или же грезами, которым втайне предавался каждый солдат, одуревший от войны и смерти; и я снова утюжил животом горячую афганскую землю, снова воспринимал хлопки разрывов, вонь жженой резины подбитых боевых машин, автоматные очереди как естественный фон человеческого бытия, его обязательный атрибут; и цели мои были банальны и примитивны, и сводились они лишь к тому, чтобы уничтожить подобных себе людей, объявленных политиками моими врагами, и спасти жизнь тем, кто на сегодняшний день считался моим другом и союзником.

Стало светлее – я поднялся настолько, что попал в свет отраженной в Пяндже луны. Поднял голову. Овальная вершина холма черной дугой закрывала половину неба. Эта картина напомнила мне скалу-стелу под Новым Светом, на которую я взбирался такой же теплой и душевной ночью. В тот раз я усердно полз в ловушку.

Холм был намного выше, чем казался со стороны, и я подумал, что прошло уже слишком много времени, как я извиваюсь на склоне, и сержанты, возможно, уже где-то недалеко от вершины. Мне хотелось подняться в полный рост, снять автомат с предохранителя и, как садовник со шлангом в руке, поливать все впереди себя свинцовым дождем. Нервы устали, им, перенасыщенным энергией действия, нужна была разрядка.

Чуть ниже вершины, сидя на корточках и утопая в траве, темнели две фигуры. Эти люди, наверное, прикрывали позицию с южной стороны. Я находился ниже и правее их. Можно было подняться выше, так, чтобы не слишком размахивая стволом автомата, положить стрелков одной очередью.

Некоторое время я лежал без движения, прислушиваясь к голосу разума. Я напоминал себе юнца, насмотревшегося фильмов-боевиков и изнемогающего от стремления помахать кулаками. Нет, нельзя было выдавать себя раньше времени. Меня сразу бы заметили сверху, и пристрелили, как хорька, высунувшегося из норки. А умирать сейчас нельзя. Дело только начато, жизнь надо беречь. Жизнь – это козырная карта, ферзь, которым можно жертвовать лишь при развязке, нанося последний и решающий удар.

Я отполз в сторону, подальше от стрелков. В это время на заставе вспыхнул новый пожар и, освещенные тусклым розовым светом, стали проступать валуны, которыми был усеян склон, промоины, высокий частокол сухой и жесткой травы. Я вовремя успел уйти из поля наблюдения стрелков, даже в этом скупом свете они наверняка заметили бы меня.

Склон уже порядком надоел мне и начал действовать на нервы. Никак нельзя привыкнуть к особенностям гор, где никогда точно не определишь, сколько осталось ползти до вершины.

В горах свое особое измерение расстояний, и лучше пользоваться не метрами и километрами, а минутами, часами и днями.

Неожиданно с вершины донеслась автоматная очередь, раздались крики. Я пригнулся и замер.

6

До вершины оставалось всего ничего. Я отчетливо видел людей на позиции, наклонную трубу миномета, вспышки автоматных очередей. Стрелки, сидевшие на склоне, тоже залегли, и я некоторое время видел лишь их головы, торчащие над травой, как арбузы.

Кажется, мои парни навели шороху среди минометчиков. Может быть, у них не хватило терпения дожидаться меня, и они открыли огонь первыми.

Я откатился в сторону на несколько метров, так, чтобы не угодить под свои же пули. Сержанты будут стрелять только по направлению к Пянджу, еще раз мысленно повторил я и, поднявшись в полный рост, побежал вверх. Пожар на заставе разгорелся в полную силу. Отсюда казалось, что огонь полыхает прямо у подножия холма. Света было достаточно, и не надо было опасаться принять своего за чужого.

Будто с неба, раскинув руки в стороны, на меня свалился человек. Он прыгнул с позиции в темноту, не видя в плотной тени меня, и я увернулся от этой бомбы, которая запросто переломала бы мне позвоночник, и когда человек неловко покатился кубарем по склону, я выстрелил с бедра. Некоторое время он еще продолжал катиться вниз, но это уже было обмякшее тело. Я не провожал глазами темное бесформенное пятно, мельтешащие руки, напоминающие матерчатую куклу. Я снова пошел вверх, стараясь не думать о том, что произошло мгновение назад. Тот, кто утверждает, что убить человека очень тяжело, тот ничего не знает о войне. Убить, нажав на спусковой крючок автомата, легко. Несоизмеримо труднее затем избавиться от тягостных мыслей. Я мог бы без труда найти тысячи оправданий, и все они были бы правдоподобны, но короткая, как вспышка молнии, картинка скатывающегося с холма трупа со шлепающими по земле вялыми руками засела в памяти надолго.

С вершины донеслись крики, глухие удары. Очень похоже, что там пришло время рукопашной. С новой силой подо мной, недалеко от подножия холма, разгорелся бой. Волной накатила трескотня автоматов, неоновыми огнями забегали во все стороны полоски трассеров. Две боевые машины тяжелыми ударами выделялись из общего хора.

Я упал в траву, вовремя заметив стрелков. Низко пригнувшись, они один за другим бежали в мою сторону. Первый пробежит метров пять, опустится на корточки, превратившись в арбуз, махнет рукой второму, и тот побежит следом. Обойти хотят, понял я, вытаскивая из ножен финку. Прижался к земле, сдерживая дыхание, едва приподнял голову, чтобы видеть ноги бегущего. Совсем близко прошелестела трава, я почувствовал движение воздуха, и вместе с этим на меня наплыла сторбленная фигура.

Я выкинул левую руку вперед, схватился за штанину и рванул на себя. Человек приглушенно вскрикнул и повалился на меня. Я успел выставить оголенное лезвие...

Преимущества ножа – он "работает" бесшумно. Недостатки – слишком близкий контакт со своим врагом. Я с отвращением столкнулся с собой горячее, пахнущее потом тело. Лезвие легко выскользнуло, когда я потянул за рукоятку, цокнуло о металлическую пуговицу. Второй стрелок, сидя в траве, вытягивал шею и смотрел в мою сторону.

– Бэ! – негромко позвал он. – Бэ-э!

Что за бараний позывной, подумал я, вытирая лезвие о штанину, потом вложил его в ладонь правой руки, ощущая приятную тяжесть рукоятки.

Мне давно не приходилось заниматься этим делом – метать нож в цель. У себя дома я превратил в щепки дверь комнаты. Кидал с любого положения. Потом поставил новую – со стеклом, и тренировки пришлось прекратить.

Я резко встал на одно колено и с короткого замаха метнул нож под "арбуз". Есть один дурацкий анекдот про Миколу и секиру, совсем некстати подумал я. Нож ушел в темноту, я не

видел, сработало лезвие или ударило плашмя, но человек дернулся, издал протяжное "гы-ы..." – совсем как в анекдоте, и исчез в траве.

Я уже не спешил и поднимался спокойно. На белом валуне, вросшем в тело холма, как зуб, стоял Глебышев. Я узнал его по долговязой фигуре.

– Кирилл? – уточнил он на всякий случай.

– Он самый. Все нормально?

– Геру задело.

Сержант протянул мне руку, помогая запрыгнуть на валун. Герасимов сидел у минометной трубы, держась левой рукой за предплечье.

– Чем это тебя?

– Из "Калашникова".

У меня был перевязочный пакет. Я вытащил резиновый мешочек из нарукавного кармана, зубами отодрал край и наложил повязку на руку Герасимова. Тот сопел, сдерживая стон.

– Сам сможешь спуститься?

– А вы? – спросил Герасимов.

– Мы сбегает к овчарне, посмотрим, чем в такие душные ночи занимается пастух.

– Ты что, орден зарабатываешь? – спросил Глебышев.

По его тону я понял, что он не пойдет. Собственно, я был не прав. При чем здесь этот парень? Почему он должен был снова рисковать жизнью?

– Ладно, – сказал я, поднимаясь. – Возвращайтесь в отделения.

– Ты меня не понял...

Тон уже совсем иной. Сержант не хотел казаться трусом. Я помог ему:

– Я не подумал о нем, – кивнул на Герасимова. – Его нельзя оставлять здесь одного.

Герасимов не стал возражать. Глебышев охотно подчинился. Я крикнул, уже отбежав на десяток метров:

– Глебышев, остаешься за меня!

– С радостью, – отозвался он.

* * *

Мне показалось, что я с крутого обрыва нырнул в воду. Как только побежал вниз, увлекая за собой булыжники и песчаные оползни, наступила гробовая тишина. Когда мозги пропитываются грохотом боя под завязку, то внезапной тишины пугаешься, как смерти. Я бежал в звуковом вакууме, заполняя его хрипом своего дыхания и частыми ударами сердца.

Медленно и трудно светало. Я уже различал крупные камни, ямы, и мог бежать достаточно быстро, без риска сломать себе шею. До овчарни – километра два, а точнее, минут пятнадцать бегом. Но эти минуты пролетели как одно мгновение. Я едва успел привыкнуть к тишине, как оказался на "балконе", нависающем над крутым обрывом, с которого Герасимов следил за овчарней. И сама ночь, и все, что случилось под ее покровом, теперь уже казалось сиюминутным эпизодом, наполовину придуманным, почти нереальным. Может быть, это потому, что ночью человек преимущественно живет в мире сновидений?

Я оказался рядом с овчарней вовремя: в плотной тени глубокой ложбины двигалась группа людей. Они уходили по тропе на север, к автомобильной трассе. Минуту я наблюдал за ними, затем группа растворилась в сумерках.

Овчарню я обошел вокруг, заглянул во все сараи и подсобки. Меня облаяли истеричные псы, но тронуть не посмели. Овцы, стуча копытами, толпились в дальнем углу сарая, смотрели на меня черными глазами, нервно дергались от моего малейшего движения. В боковой подсобке, где была ночлежка пастуха, я нашел несколько спущенных автомобильных камер, висящих на гвозде. Камеры были влажными, местами выпачканными в глине.

Все правильно, думал я, одна группа отвлекает, обстреливая заставу, а вторая при этом спокойно пересекает Пяндж.

Я вышел на тропу, пересекающую ложбину, по которой ушли люди, и побежал по ней вверх. Мне казалось, что они ушли недалеко, и я быстро разыщу их среди холмов, похожих на утраченные грани египетские пирамиды, но контрабандисты оказались резвыми ходоками, и я увидел их лишь тогда, когда они спустились по луку к шоссе.

Нас разделяло не меньше километра, и без бинокля я сумел увидеть только серые фигуры людей, мешки и небольшие ящики, в каких обычно перевозят сигареты. Люди стояли на краю поля, а когда к ним подъехал зеленый, с крытым кузовом, "ЗИЛ", быстро погрузили свой груз. Я думал, что они тоже влезут на машину, но "ЗИЛ" тронулся с места и поехал по шоссе. Через минуту-вторую я потерял его из виду. Люди стали расходиться по сторонам. Двое пошли по шоссе, один пересек дорогу и направился через поле, еще двое поймали попутку и поехали в противоположную сторону. На моих глазах группа растаяла, как ветер срывает с дерева и раскидывает по лесу опавшие листья.

Я перестал скакать по луку, как вырвавшийся на свободу конь. Сплюнул, выругался смачнее, чтобы отвести душу, потом остановился, сел на траву.

Ничего нового я не узнал. Все идет своим чередом. Мы ползаем под пулями, пастух пасет овец, контрабандисты таскают через Пяндж травку. Стоило ли оставлять взвод, чтобы еще раз убедиться в этом?

7

Игнатенко с почерневшим лицом, ввалившимися глазами и потрескавшимися губами, похожими на высохшие хлебные корки, стоял передо мной и сжимал кулаки.

– Какого черта?.. Тебе что было поручено? Я, блин горелый, таких "соляриков" еще не видел. Пятеро убитых, семеро раненых, ты оставил поле боя... Я терпеть тебя не буду, имей в виду!

– Побереги силы, – посоветовал я.

– Сейчас твой комбат приедет, с ним будешь объясняться.

Три пограничника и двое солдат из моего взвода лежали на асфальте в тени акации. Пять пар ног в одинаковых, белых от пыли ботинках, торчали из-под плащ-накидки. Если война еще не въелась в душу, то убитые люди не воспринимаются сознанием, и тогда просто недоумеваешь: почему пятеро парней легли прямо на асфальт и накрылись накидкой? Почему не встанут, не устыдятся своих нелепых поз?

Я, приподняв край зеленой ткани в бурых пятнах, смотрел на лица погибших. Игнатенко следил за мной, часто и глубоко затягиваясь сигаретой, потом кинул окурочек рядом с дымящимся бревном.

– Всех раненых в казарму! – крикнул он. – Чтоб ни одного не видел на территории!.. Какого черта столпились?! – гаркнул он на солдат, которые подпухшими, словно сонными глазами, смотрели на трупы. – Кто не знает, чем заняться?

Игнатенко схватил палку и принялся яростно размахивать ею во все стороны. Я не думал, что начальник заставы может настолько выйти из себя. Солдаты шарахались от него, как прохожие на улицах от струй поливочной машины.

– А это куда ты понес? – заорал он на солдата, который волок на спине ствол трофейного миномета. Солдат остановился, заморгал глазами. – Ко мне в канцелярию! А плита где?

– Плиту Бабаев нес.

– Разыщи этого Бабаева, или я из него самого плиту сделаю! И треногу мне принести. Мигом!

Проморгал миномет, подумал я. Витаю в облаках, ставлю перед собой какие-то нереальные цели, а люди тем временем ордена зарабатывают на чужой крови.

Ближе к полудню на заставу приехал комбат, а за ним – целая бригада из полка. Ожидали прилета офицеров из штаба дивизии вместе с корреспондентами телевидения. Игнатенко надел какую-то старую, прожженную во многих местах форму, зачем-то замотал бинтом кисть левой руки. Раненым, которые могли передвигаться, он приказал занять позиции вокруг заставы. Получилось очень впечатляюще. Наверное, начальник заставы снимался для телевидения не в первый раз.

Разговор с комбатом был коротким. Он не суетился, молча принял мой доклад, в котором я обрисовал ночной бой, поморщился, вытер платком бритый затылок, а потом спросил:

– Что это Игнатенко бочку на тебя катит? Куда ты убежал?

Я объяснил комбату, что в то время, когда заставка отражала нападение, через границу прошла группа людей.

– Ты это видел?

– Да, я следил за группой от овчарни до шоссе. Потом люди погрузили какие-то мешки и ящики в грузовик, а сами разбрелись по кишлакам.

– Ты один следил за ними?

– Один.

– По позициям еще стреляли, когда ты ушел?

– Да.

– Хреново, – поморщился комбат, посмотрел по сторонам и снова протер платком красный затылок. – Ладно. Напишешь объяснительную на имя командира роты, и замнем это дело.

– Я не совсем понимаю, о чем вы.

– Потом поймешь. – Он собрался было отойти, как снова повернулся ко мне и жестко добавил: – А вообще, уж если ты командуешь взводом, то, пока идет бой, должен быть со взводом. Уясни это как следует, не то будешь очень долго доказывать, что не трус. Это я тебе как товарищ советую.

В полдень рядом с заставой приземлились два вертолета из штаба дивизии. Один из них был пустой и предназначался для отправки трупов и раненых в полк, а на втором прилетела комиссия из штабов дивизии и погранвойск Таджикистана. Комбат доложил полковнику из оперативного отделения, тот, даже не пожав капитану руку и не дослушав до конца, быстро пошел под акации, где лежали убитые, встал рядом с ними, сунул руки в карманы, стал качать головой.

– Игнатенко! – громко позвал он.

Полковник заводился, лицо его покраснело, движения стали резкими. Начальник заставы подбежал к нему, застегивая на ходу свою прожженную куртку, вскинул руку, прикладывая ее к козырьку кепи.

– Отставить! – прорычал полковник, не принимая доклада. – Схему опорного пункта мне сюда, план взаимодействия, все документы по боевой готовности!

Игнатенко исчез в дверях, и в то время, пока полковник, заложив руки за спину, расхаживал рядом с разрушенной и сгоревшей пристройкой, солдаты выносили на асфальт и собирали трофейный миномет.

Начальник заставы появился с бумагами и тетрадями под мышкой, стал вытягивать из стопки первую, но несколько тетрадей выпало из его рук, и он вприсядку стал их торопливо подбирать. Полковник терпеливо ждал.

– Где позиции прикрытия? – голосом, в котором слышалась скрытая угроза, спросил полковник. – Объясните ваше решение насчет позиций боевых машин.

Игнатенко что-то ответил, показывая рукой на холмы, на Пяндж, а затем на миномет, рядом с которым еще возились солдаты. Полковник искоса посмотрел на оружие, подошел к нему поближе, потом повернулся к Игнатенко.

– Вот за это спасибо, – сказал он.

Ну вот, подумал я, начальник заставы кинул ворованный козырь. Сейчас сдаст меня.

Я не ошибся. Игнатенко продолжал о чем-то запальчиво говорить, размахивал во все стороны руками, поднял, чтобы ее было лучше заметно, перебинтованную кисть и сдержанным движением кивнул в мою сторону.

– Если он тебя позовет, – прошептал мне комбат, – то лучше молчи и не оправдывайся.

Полковник, широко расставив ноги и не вынимая рук из глубоких карманов, смотрел на Игнатенко сверху-вниз, затем слегка повернул голову, искоса посмотрел на меня, и снова на начальника заставы.

– Черт возьми! – прорычал он и посмотрел на комбата. – Рефилов! Батальон офицерами укомплектован полностью или нет?

– Почти в каждой роте не хватает одного-двух командиров взводов, – ответил комбат.

– И что же теперь? Доверим контрактникам командование ротами?

– Взводом, – поправил комбат.

– Подойдите сюда, герой! – сказал мне полковник.

Я встал так, чтобы полковник мог видеть меня, Игнатенко и миномет.

– Что ж ты оставляешь поле боя? – спросил он, рассматривая меня с тем же выражением на лице, с каким смотрел на трупы.

– Вас неправильно информировали, – ответил я.

– То есть, что значит неправильно?

– Сначала вместе с сержантами Глебышевым и Герасимовым мы уничтожили минометную позицию противника, а затем я в одиночку, оставив за себя сержанта Глебышева, преследовал группу нарушителей.

– Так миномет, получается, взяла пехота? – спросил полковник, посмотрев на Игнатенко. – Так или нет, отвечай!

– Миномет взяли мы, – твердо сказал начальник заставы, исподлобья глядя на полковника. – А пехота на определенном этапе помогла нам выбить противника с позиции.

– В общем, вы тут сами не разобрались с этим минометом, – умозаключил полковник. – А что касается одиночного преследования нарушителей... – полковник выждал паузу, пристально взглянув на меня. – ...то это прерогатива начальника заставы. Он должен был назначить заслон, тревожную группу. Так, начальник заставы? Свои обязанности по уставу помнишь?

– Каждый солдат был на вес золота, товарищ полковник, – ответил Игнатенко, интуитивно чувствуя, что туча над ним потихоньку рассеивается. – Некогда мне было заниматься заслоном. Мои парни дрались как черти. Проявляли образцы мужества и самопожертвования.

Его стало заносить на пафос, и полковник остановил Игнатенко взмахом руки.

– Хорошо. Готовь рапорт на имя начальника погранотряда. Потери, убытки, расход боеприпасов. Список солдат, достойных поощрения и награды.

– Есть, товарищ полковник!

– Рефилов! Сегодня же подобрать толкового парня на взвод. А этого преследователя, – он кивнул на меня, – вернуть в полк, его еще надо долго готовить к границе. Пусть занимается обязанностями старшины.

– Сделаем, товарищ полковник.

– Дайте команду на погрузку убитых и раненых.

Так неожиданно прервалась моя боевая эпопея. Бог не наделил меня способностями убедительно и ярко говорить о своих заслугах, и я не нашел слов, чтобы доказать полковнику, что потерь было бы намного меньше, если бы начальник заставы обладал большим опытом и умом.

8

Я получил письмо от Анны. Мы договаривались, что она будет держать меня в курсе всех дел, но, тем не менее, пухлый конверт, который принес мне солдат с узла связи, был неожиданностью. Я уже забыл, когда последний раз получал письма, и с удивлением отметил, что это приятно.

Письмо Анны было длинным и, несмотря на то, что было отпечатано на принтере мелким курсивом, заняло четыре листа. Кажется, она писала его с удовольствием, хотя оно носило чисто деловой характер и в нем не было ни одного слова, касающегося наших отношений и каких-либо чувств.

Первую половину письма можно было бы вообще убрать – в ней Анна излишне подробно описала, как вышла на референта Сержа Новоторова и еще раз дала свое согласие на сотрудничество в фирме "Гринперос". Она во всех красках обрисовала выражение на лице референта, марку и вкусовые качества шампанского, которым он угощал ее, мебель и картины на стенах офиса, куда референт привез ее несколько дней спустя. "Мне предстоит большая работа, – писала Анна. – Как сказал новый шеф, мы будем готовить крупную партию товара к отправке за рубеж, и поэтому мне предложили недели две-три пожить в офисе. Выделили отдельную комнату на втором этаже, от которой я просто без ума. Представь себе: просторная, пятиугольная, в ней два окна с полукруглым верхом. От самого потолка до пола ниспадают тяжелые шторы, подвешенные на карнизе, изогнутом, так же, полукругом, отчего у штор получается объем. Выглядит это в сочетании с огромным, на всю стену, подлинником Глазьева-младшего, на котором Иисус в терновом венке страдает у ног Пилата, просто потрясающе! Такого униженного лица у Христа я не видела еще никогда в жизни". И два листа мелким шрифтом – в том же духе, подробное описание трехэтажного особняка и его комнат. По своей природной недалёковидности я мысленно упрекнул Анну в многословии и неумении сосредоточиться на чем-то одном, самом важном. Но спустя время я добрым словом вспомнил это письмо с пространными упражнениями в словесности.

Вторую часть письма я прочитал несколько раз, пока не запомнил его почти дословно, а затем сжег на пустыре с надеждой, что до меня никто больше не вскрывал конверт.

"Два дня спустя меня пригласили отметить сорок дней со дня гибели Сержа. Стол был шикарным: сначала "а ля фуршетт" на газоне перед парадным входом с колоннами, а как стемнело, мы перешли в залу, где вокруг нас крутилось не меньше десяти официантов... (Часть текста, где идет подробное перечисление яств, я пропускаю). Было человек тридцать пять – сорок, треть из них – дамы всех возрастов и комплекций. Сначала не меньше часа при гробовом молчании звучали только тосты о почившем в бозе Серже Новоторове, причем произносил их некий господин, которого, как и почти всех остальных, я видела впервые. Все называли его Князем, и я сначала подумала, что это либо титул, либо кличка, но потом выяснилось, что его в самом деле так зовут. Князю – под пятьдесят, он совершенно лыс, даже брови не растут. Был одет безвкусно, как попугай – бежевые брюки, зеленый пиджак, черная рубашка и оранжевая "бабочка". За весь вечер не выпил ни капли спиртного – только "краш", да сигареты тянул одну за другой.

Я думала, что не выдержу этой гнетущей атмосферы и обязательно подавлюсь куском, но, наконец, спиртное дало свои результаты, настроение у народа повысилось, в угол залы, как с потолка, свалился камерный оркестр, и зазвучали "Времена года" Вивальди.

Тут-то меня референт взял под руку и подвел к Князю – представлять. Видимо, Князь знал обо мне все, потому как вполне удовлетворился моим поклоном и именем. Он взял меня под руку, подвел к столу, налил шампанского. "Вы близко знали Сержа?" – спрашивает он. А я не понимаю, что он имеет в виду. Может быть, его интересовало, спала ли я с ним? Я ответила,

что познакомилась, к величайшему несчастью, лишь за несколько дней до его смерти. Князь вскинул вверх то место на лице, где должны быть брови, и спросил с кривой ухмылкой: "Вы сказали – к несчастью? Неужели вам и в самом деле жалко этого подонка?" Вот такие повороты.

Я моргаю глазками, судорожно пью шампанское, не знаю, как мне отреагировать. Он снова усмехнулся, потрепал меня, как девочку, по щеке. А потом я такое увидела, что едва на пол не села. В дверях появился какой-то клерк, негромко позвал Князя, поднял руку вверх и кивнул, как бы подавая сигнал. И вслед за этим в зал вошел сам папочка твоей красавицы Валери – Августино Карлос!

Мне в руки шел редчайший, уникальный шанс завоевать полное доверие Князя. Нельзя было терять ни секунды, и я даже не подумала о том, насколько это этично и принято ли вообще так себя вести в этом кругу. Князь широкими шагами подошел к Августино, они обнялись. Тот выглядел потрясно – седой, бронзоволицый, с фарфоровыми зубами, одетый в белый костюм-тройку, ворот красной шелковой рубашки отложен, на пальцах – золотые перстни. Князь не стал представлять публике Августино – многие даже не заметили появления в зале нового гостя. Они уже выходили из зала, как я почти бегом рванула к Августино. "Синьор! – сказала я ему по-испански, преграждая ему дорогу. – Я до сих пор не могу забыть того счастья, какое испытывала, работая на вашей вилле в сельве! Как я рада видеть вас в России!" В общем, что-то в этом роде. На какое-то мгновение по лицу Князя пробежала тень. Он нахмурился, мой поступок ему не понравился. Но Августино вспомнил меня, очень приветливо улыбнулся, ответил, так же по-испански, что я выгляжу просто очаровательно, и он всегда будет рад видеть меня у себя на вилле. Я сделала глубокий реверанс. На том мы и расстались. Потом я встала у окна, слегка сдвинула край шторы и стала следить за парадным входом. Там, в свете фонарей, блестя белая машина, рядом с ней кучковалась группа охранников. Минут через пять к машине по ступенькам сошли Князь с Августино, постояли еще немного, выкурили по сигарете. Затем Августино протянул Князю свой миниатюрный кейс, пожал ему руку и сел в машину. Вот так, неожиданно-негаданно, я напомнила о себе своему бывшему хозяину и подчеркнула свою значимость в глазах Князя.

Князь, кстати, все же сделал мне легкое замечание. Позже он подошел ко мне, хитро улыбаясь, погрозил пальцем и сказал: "А вы, оказывается, отчаянная девушка, Анна."

Ближе к полуночи стараниями Князя и референта, который суетился как официант, я едва держалась на ногах. Оказывается, шампанским можно упиться до свинского состояния. Но все-таки я отдавала себе отчет в том, кто я, где и для какой цели нахожусь. Работать шпионкой в тылу врага, Кирилл, это искусство, которое мне еще постигать и постигать. (В этом месте я подумал, что Анна ненормальная – писать открытым текстом такие вещи, за которые, попади это письмо в руки Князя или референта, раздавят, как божью коровку!). И все-таки я многое узнала. Ко мне приклеился некий Слава, человек, вполне годящийся мне в дедушки. Насколько я поняла, он когда-то работал в партийных структурах и по давней привычке был весьма словоохотливым. Пришлось ему позволить слюнявить мои руки, зато он худо-бедно, но рассказал кое-что о гостях.

Князь, как я уже сама догадалась, после ухода в мир иной Сержа, взял на себя бразды правления фирмой. В восемьдесят шестом году он работал в Афганистане в качестве советника при первом секретаре провинциального комитета НДПА, по образованию он – востоковед, доктор наук. После Афгана преподавал в МГУ, институте Патриса Лумумбы и, кажется, в высшей партшколе. Потом ушел в коммерцию. Связи у него огромные. Именно он вышел на Августино, а Серж Новоторов внес стартовый капитал на покупку предприятий в Европе, а потом прибрал к рукам руководство фирмой.

Князь вытащил из Таджикистана в Москву некоего генерала Вольского, фамилию которого ты как-то упоминал. Генерал, кстати, тоже был на поминках, но держался как-то обособленно и особенно на глазах у публики не светился. Его и Князя связывает давняя дружба, когда

они оба были в Афгане. Вольский служил в дивизии, а Князь, как я уже писала, работал советником в той же провинции, и они часто встречались.

Словом, это две наиболее влиятельные фигуры, которых я видела на поминках. Еще Слава представил мне нескольких представителей московских фирм и одного владельца ночного клуба. В доме висельника о веревке не говорят, и, естественно, Славик ни единым словом не обмолвился о том, что всех этих людей объединяет. Но я абсолютно не сомневалась в том, что все они сидят на наркобизнесе. И это не просто тупая уверенность школьника в том, что земля имеет форму шара. В часа два ночи Князь позвал меня в свой кабинет, попросил приготовить кофе и сесть за компьютер.

Сначала он продиктовал мне письмо капитану парома "Пярун" с просьбой зарезервировать место под коммерческий груз общим весом в тридцать с половиной тонны до Стокгольма. Я должна была перевести письмо на английский, отпечатать на нашем фирменном бланке и отправить с заказной почтой завтра утром. Затем в кабинет пришел Вольский, и Князь попросил меня присутствовать при их разговоре и занести в память некоторые финансовые расчеты.

Говорили они, конечно, полунамеками, в основном, о ссудах, отношениях с департаментом налоговой полиции, о расходах и прибыли. Вольский жаловался на то, что слишком мало денег выделено на предвыборную кампанию. Князь не очень убедительно обещал помочь. Затем они перевели разговор на тему Таджикистана и Афгана. Я поняла это по тому, как Вольский сказал: "Сырье из-за речки поступает постоянно, мои люди работают, как рабы Рима." Я вспомнила, что и ты, имея в виду Афган, всегда говоришь: "За речкой". Словом, мне трудно передать в точности их разговор, но я четко поняла следующее: из Афгана через Пяндж поступает, в самом деле, лишь сырье, из которого где-то в Таджикистане же уже начали вырабатывать героин высокого качества. В Москву пошли первые партии готового продукта. Каким образом его перевозят – я не поняла, один лишь раз Вольский сказал, что "с тарой теперь полный порядок, и чем сложнее обстановка на границе, тем нам проще".

Около пяти утра, когда я уже едва не валилась головой на клавиатуру, Князь отпустил меня. На всякий случай я провела остаток ночи в отдельном флигеле, где была койка, а самое главное – надежный засов, закрывающийся изнутри."

В конце Анна приписала, что пока у нее голова идет кругом, и полной картины она не представляет, хотя известно уже немало. Она умоляла меня беречь себя и не гнать лошадей.

Нет, даже по пути к вершине холма, по которому полз к минометной позиции, я рисковал жизнью меньше, чем Анна. Бросил девушку на ржавые гвозди, подумал я. А если с ней что-нибудь случится, как ты будешь жить дальше, Кирилл Андреевич?

9

На второй день, после моего бесславного возвращения в полк, меня вызвал начальник штаба и велел немедленно отправляться в Душанбе, в штаб дивизии к Локтеву.

При входе в штаб меня остановил дежурный и, спросив мою фамилию, протянул короткую записку от Локтева.

"Кирилл! – писал он своим мелким, неровным почерком, с буквами, валяющимися друг на друга, который отличает энергичных, но не всегда последовательных людей. – Я на совещании в штабе МС. В 15.00 жду тебя на том же месте, где мы пили чай. Локтев."

На том же месте, мысленно повторил я и выругался. Локтев полагает, что я свободно ориентируюсь в Душанбе, и найти то летнее кафе для меня не составит труда.

До обеда я бродил по центральному рынку, пробовал инжир, яблоки, соленые орешки и, не в состоянии отказать чрезмерно настырным продавцам, покупал все, что мне навязывали. В итоге я вышел с рынка с двумя большими пакетами в руках.

Мне не трудно было останавливать машины, но значительно сложнее объяснять водителям, куда мне надо.

– Сквер, пруд, – говорил я, – там лебеди плавают. На берегу – кафе, официанта зовут Сафар.

– Не знаю, – отвечал водитель.

– Сквер, лебеди в пруду, – говорил я другому, но и тот отрицательно качал головой.

Только водитель пятой или шестой машины кивнул на сидение.

– Сейчас найдем!

И мы поехали по всем скверам Душанбе. Естественно, я опоздал почти на двадцать минут, но Локтев не принял мои извинения и признался:

– Да я сам только что приехал. Командующий задержал.

Мы сели, кажется, за тот же столик, за которым пили чай в нашу первую встречу. Локтев позвал официанта. К нам подбежал босоногий мальчик в замусоленном переднике.

– Это еще что за пионер? – удивился Локтев. – А где Сафар?

– Сафар нет! – ответил юный официант.

– А когда же он будет?

– Никогда не будет. Он здесь не работает. Плов? Шашлык?

– Все неси, – ответил Локтев. – Что-то я проголодался. – И когда мальчик убежал на кухню, сказал мне: – Не нравится мне это... У меня есть одна скверная привычка: я люблю, чтобы меня всегда обслуживал один и тот же официант, стриг один и тот же парикмахер, чтобы в бане подавал пиво и простыни один и тот же банщик. Но здесь, в Душанбе, никак не получается иметь постоянный персонал. Только начинаешь доверять человеку, только налаживаются отношения, а он вдруг – шпок! – и исчезает. И никто не знает, где его найти. Это уже не первый случай... Да-а, – протянул он многозначительно, глядя на кухню, – сначала он разносит еду, моет столы и посуду, потом сам будет готовить и считать деньги, потом научит этому своих детей. А поговори с ним – счастливейший человек! Интересно, ты, Кирилл, счастливый?

– Конечно.

– Надо же, – покачал Локтев головой. – Никогда бы не подумал.

– Ты вызвал меня для того, чтобы поговорить со мной о счастье?

Локтев ненатурально рассмеялся, откинулся на спинку стула, покачался на двух ножках.

– Все разговоры, собственно, сводятся к проблеме счастья. Потому что каждый человечка на земле хочет, так сказать, его обрести.

– И альтруисты?

– В первую очередь альтруисты! Делая бескорыстно добро другим, они получают от этого удовлетворение. По сути, они те же эгоисты, но лишь в извращенной форме.

– Я двумя руками за такой эгоизм.

– Я тоже. – Локтев протянул мне свою крепкую ладонь и неожиданно поменял тему разговора: – А ты, значит, уже успел отличиться? Я читал рапорты командира полка и начальника заставы. Завтра персонально по тебе буду докладывать комдиву.

– Я стал такой заметной фигурой в дивизии?

– Случилось чепэ. У пограничников и у нас есть потери. К сожалению, так было когда-то давно заведено: командиры в большей степени виновны в гибели солдат, чем противник, им и отвечать.

– Значит, ты считаешь, что я виновен в гибели солдат?

– Пока я ничего не считаю. Я хочу выслушать тебя.

– Я не хочу оправдываться.

Локтев усмехнулся и положил мне на плечо свою тяжелую волосатую руку.

– Ну-ну, не надо эмоций и обид. Мне вовсе не нужно твое оправдание. Я выслушал одну сторону, теперь, чтобы докопаться до истины, я хочу выслушать тебя.

– И ты мне поверишь?

– Естественно.

Я рассказал Локтеву о прибытии на границу, о конфликте с начальником заставы, о пастухе, его овчарне и людях, которые появлялись там в те ночи, когда заставу обстреливали.

– С двумя сержантами я снял миномет. Боя, как такового, уже не было, выстрелы почти затихли. За тот час, пока меня не было, на границе ничего существенного не произошло.

– И что ты выяснил?

– Что обстрелы застав – отвлекающий маневр.

– Это не бог весть какая новость.

– Граница во многих местах дырявая.

– И это, к сожалению, нам известно. Большая тема.

– Пастух работает на контрабандистов. Я думаю, что он выясняет и сообщает моджахедам, на какие участки выставляются пограннаряды.

– А вот это интересно. Но эта информация для таджикской службы безопасности. Все?

– Нет, не все.

Мальчик принес тарелки с пловом, шашлыками и несколько лепешек. Мы одновременно принялись за еду и некоторое время молчали.

– Ну так, что еще? – спросил Локтев, вытирая губы платком.

– Я пытался выследить, куда от границы переправляется контрабандный товар, но группа оторвалась от меня.

Локтев подносил ко рту очередной кусочек мяса, но рука его остановилась на полпути.

– Ты все еще думаешь, что они переправляют его сюда, в дивизию?

– Да, я предполагал это.

– Ну и голова у тебя! Бог с тобой, Кирилл! – с возмущением прошептал Локтев и, сравнивая мою голову со столом, постучал ладонью по дереву. – И как ты себе это представляешь? Группа бородатых чурок на ослах ввозит на территорию штаба дивизии тяжелые баулы?

– Я не думал, что у тебя такое примитивное мышление, – сказал я тоже не очень вежливо.

– Тогда изложи мне так, чтобы не было примитивно.

– Повторяю: я всего лишь предполагал такой вариант.

– А теперь?

– Теперь я располагаю другой информацией.

– Ты поделишься ею со мной?

– В Москву поставляется не сырье, а готовый продукт. Героин чистейшей пробы.

– Ты хочешь сказать, что наркоделы таскают через Пяндж не соломку, не опий, а героин? Я отрицательно покачал головой.

– Не думаю, что в Афгане есть условия для производства героина. Насколько мне известно, это довольно сложный процесс.

Локтев курил и постукивал пальцами по столу в такт восточной музыке, которая доносилась из кухни. Я разламывал лепешку и кидал кусочки в воду. Лебеди медленными грациозными движениями вылавливали хлеб и проглатывали, не вынимая его из воды.

– Если твоя информация не ошибочна, – сказал он, – то можно сделать вывод, что героин производится в Таджикистане.

– Я думаю, что так оно и есть. Но меня больше интересует, каким образом наркотик затем переправляется в Москву.

– Забудь о дивизии, – сразу ответил Локтев. Я намекнул на его территорию, его владения, и это его задело. – После гибели Алексеева и моего назначения в Душанбе, отправить нелегальный груз военным бортом невозможно. У меня тройная система проверки. Взятки или халатность исключены. Ищи, если хочешь, в другой области.

– А я, как раз, собирался искать в дивизии.

– Ты не доверяешь мне?

– Я тебе доверяю, – ответил я, но тотчас почувствовал, что сказал это не искренне. Локтев или не заметил, как мой голос предательски дрогнул, либо сделал вид, что не заметил.

– Хотел бы я знать, – сказал он, глядя в пустую тарелку, – как ты намерен выследить контрабандистов в дивизии?

– Пока не знаю. Для начала я должен выяснить, куда перебрасывают сырье с нашего берега. Если найду базу, где производят героин, то выйти на следующий этап контрабанды уже не составит большого труда.

Локтев как-то сдержанно усмехнулся, лицо его исказила гримаса.

– Кажется, друг мой боевой, ты старательно роешь мне могилу.

– В каком смысле? – спросил я, хотя догадывался, что он имел в виду.

– Ты страшной любой инспекторской комиссии из Москвы. Но с теми можно любовно договориться. А с тобой?..

Он поднял глаза. Мурашки побежали у меня по спине от неприятной мысли, молнией промелькнувшей в сознании.

– Володя, – я опустил ладонь на его руку. – Что с тобой? Я перестаю узнавать тебя.

Он вдруг дернул рукой, словно его ударило током, откинулся на спинку стула, скрестил руки на груди и с неприязнью посмотрел на меня.

– Вот что, борец невидимого фронта, – сквозь зубы процедил он. – Я не знаю, кто тебе платит за эту работу, не знаю, чего ты добиваешься, но думаю, что за твоей спиной останется не одна покалеченная жизнь. Ты суешь свой нос в дела, которые тебя не касаются, корчишь из себя героя, комиссара Каттани, и не думаешь о том, что твои лавры будут сплетены из несчастья других людей.

Такого обвинения мне никто еще не предъявлял. Локтев был не из тех людей, которые в порыве эмоций могли впасть в истерику или преувеличить действительность до размеров абсурда.

– Что?! – едва слышно прошептал я, не спуская с него глаз. – О чем несчастье ты говоришь?

– Хотя бы о своем, Кирилл. Мне уже под пятьдесят, большая часть жизни прожита, причем половина ее – на войне. И все эти годы я тянул служебную лямку, как проклятый. Я с лейтенантских лет не знал выходных, не позволял себе полноценного отпуска, я, как одержимый, делал себе карьеру. Где надо было хитрить, сгибаться перед начальством, я высоко поднимал голову и подчеркивал чувство собственного достоинства. Меня обходили по слу-

жебной лестнице генеральские сынки, лизоблюды, умеющие громко шелкать каблуками, подносить начальству подарки и преданно заглядывать им в рот. Я думал, что все это временно, что тупицы и болтуны, годами протиравшие штаны в штабах, рано или поздно займут свою, самую низшую, ступень в иерархической лестнице, а офицерские достоинство, честь и благородство будут цениться более всего. Но годы прошли, Кирилл, прошли безвозвратно, и что я вижу? Это шакалье стадо, которое всегда крутилось при львах и подбирало за ними объедки, оказалось у власти. Подонки, отказавшиеся в одно мгновение от своих идеалов и убеждений, предавшие всех, кого можно было предать, чтобы остаться у кормила, взлетели вверх. И меня, добившегося хорошей должности в штабе дивизии, вот этими руками, этим лбом, этим горбом, теперь инспектируют холеные уроды, и достаточно одного их поганого рапорта, одного звонка своим хозяевам, чтобы меня уволили из армии, выбросили за борт без квартиры, без права вернуться в Россию, потому что и там я чужой, лишний человек, и меня будут презирать жена, дети, потому что я не смог обеспечить им достойную жизнь, которую они заслуживают.

Он замолчал. Его ноздри еще широко раскрывались, он еще тяжело дышал, словно только что пробежал стометровку. Потянулся за новой сигаретой, задел край стола, на пол полетела тарелка. На звон из кухни выскочил мальчишка с веником и совком, подбежал к нам, быстро сгреб осколки.

Передо мной сидел глубоко несчастный, в мгновение постаревший человек, мужеством и молодецким безрассудством которого я когда-то так восхищался.

– Прошу тебя, – добавил он тише, не глядя мне в глаза, лишь нервно перекатывая в пальцах сигарету. – Не копай здесь ничего. Хочешь служить – служи. Я поставлю тебя на любую должность. Не хочешь – сегодня же расторгнем контракт, и я лично провожу тебя на самолет. Только не копай. Я дослужу, уеду отсюда в Россию – и тогда делай тут, что хочешь.

Мне не было его жалко. Этого человека, оказывается, я никогда не знал, и его судьба меня не затрагивала. Он был неприятен мне. Я встал, но Локтев неожиданно сильно схватил меня за руку. Казалось, что он до деталей повторяет те же движения, что и в первую нашу встречу за этим столом.

– Сядь! – громко сказал он своим прежним волевым голосом. – Я все-таки пока еще твой начальник, и хотя бы формально подчиняйся мне.

– Слушаюсь, – ответил я и снова сел.

– Что ты хочешь? – спросил Локтев.

Я понял его вопрос. Полковник предлагал мне сделку.

– Взамен чего? – уточнил я.

– Взамен того, что ты уедешь отсюда.

Я помолчал. Локтев выжидающе смотрел мне в лицо. Шел естественный процесс торга. Услуги, совесть, спокойная жизнь, амбиции, жажда мести переплелись между собой и породили странный симбиоз, ставший товаром.

– Я уеду через три дня, от силы – через пять. Но до этого ты дашь мне пять человек, отправишь на границу и дашь возможность, ни с кем не согласовывая свои действия, заниматься разведкой и поиском. Подчиняться я должен только тебе. И чтобы ни один начальник заставы, ни один ротный, комбат или клерк из штаба дивизии не указывали мне, что можно, а чего нельзя делать.

Локтев полулежал на столе, глядя на желтого верблюда с пачки сигарет.

– Нет, – глухо ответил он, не поднимая головы. – Это невозможно.

– Почему?

– Во-первых, такого подразделения по штатному расписанию не существует.

– Назначь его своим приказом.

– Это бред. Ты требуешь невозможного. Такие полномочия имеет только охранка президента.

– Ты пойдешь на доклад к командиру дивизии. Вот прекрасный случай рассказать ему о контрабанде, о базе по производству героина. И сразу же выдвигаешь предложение о создании спецгруппы по борьбе с наркобизнесом во главе с Вацурой!

Я сам рассмеялся своему же предложению. Локтев не разделил моего юмора.

– Бред! – повторил он жестче. – Командир дивизии отправит меня в госпиталь, чтобы убедиться, здоров ли я... Ты должен улететь немедленно, ни о каких спецгруппах не может идти и речи.

– Боюсь, мы не договоримся.

– Я тебя уволю.

– Это даже в какой-то степени развяжет мне руки.

– А если посажу? – Локтев слегка приподнял голову и посмотрел на меня исподлобья.

Мне трудно было сказать определенно, плохая ли это шутка, или хорошая угроза.

– За что посадишь, Володя?

– За то, что добровольно оставил поле боя. Знаешь, как это называется? Дезертирство в условиях войны. Вплоть до расстрела... Ну? Устраивает?

Нет, он уже не шутил. Он открыто угрожал. Пластиковый стаканчик лопнул в моей руке. Локтев лишь на мгновение прикрыл глаза, когда капли пепси-колы попали ему на лицо. Он провел рукой по лбу.

– Мог ли ты предположить тогда, десять лет назад, что у нас состоится такой разговор? – спросил я.

Локтев замер, лицо его исказила судорога боли, словно вдруг дала знать старая рана. Он понял, о чем я ему напоминал. Апрель восемьдесят четвертого, южный спуск с Саланга, где я волочил его с простреленной ногой по обочине, а за нами, чуть ли не обжигая пятки, текла река горящего бензина из пробитого трубопровода. Что бы он ответил мне тогда, если бы я был пророком и сказал ему, что десять лет спустя он будет угрожать мне тюрьмой?

Локтев вдруг застонал, закрыл лицо ладонями.

– Уходи, – сказал он глухо, не опуская рук. – Уходи и сделай так, чтобы мы никогда больше не встречались.

Я уже вышел на шоссе, когда Локтев неожиданно догнал меня. Он улыбался краешком губ, лоб полосовали волны морщин, взгляд блуждал, словно он следил за белкой, летающей с ветки на ветку.

– Да, я твой должник, – сказал он, как ни в чем не бывало. – А долг, как известно, платежом красен. Во-первых, я хочу, чтобы ты жил долго, а поэтому сегодня же подпишу приказ на твое увольнение. И во-вторых... – Локтев оглянулся и повторил: – И во-вторых. Я предвижу, что увольнение не остановит тебя, и ты все равно потащишься на границу, где стопроцентно поймаешь пулю. И поэтому хочу предостеречь тебя от лишнего и очень рискованного круга... Сырье, путь которого ты хочешь проследить от Пянджа, вывозят из приграничной зоны военными грузовиками с опознавательными знаками узбекского миротворческого подразделения. Ты его не выследишь никогда, потому что к машине тебя близко не подпустят. Наши посты такие машины не останавливают и не проверяют, хотя сигнал уже был... Там взаимная договоренность, и ее лучше не нарушать, потому что завязаны большие деньги и чины... Грузовик идет транзитом через Душанбе куда-то в горы, в сторону Нурека. За самолет я клянусь своей честью, если... если ты, конечно, еще способен мне верить. В Москву увозят все: раннюю клубнику, зелень, овощи, гранат. Ящиками везут, даже контейнерами – каждый московский генерал считает своим долгом килограмм двести-триста продуктов увезти. Но наркотики и оружие пронести на борт невозможно. Голову даю на отсечение. Не трать время, не кидай тень на дивизию. Ищи в другом месте... И последнее.

Он смял в кулаке рукав моей куртки, глядя прямо в глаза.

– Ты должен помнить каждую минуту: раз ты занялся этим делом, то жизнь твоя отныне не стоит ничего.

10

Время прилета самолета из Москвы я узнал по справочному телефону, хотя звонил туда трижды, и каждый раз мне называли другое время. Самолет летал по особому графику и отправлялся из Домодедова по мере заполнения пассажирами. В третий раз девушка сообщила мне, что самолет только что вылетел из Москвы, и я сразу же поехал в аэропорт, хотя располагал минимум четырьмя часами.

Я велел таксисту развернуться у здания аэропорта и подъехать к контрольному пункту. На летное поле, как я и ожидал, нас не пропустили, хотя я пытался дать дежурному взятку. Таксист пожимал плечами и утверждал, что за свою жизнь не припомнит случая, чтобы к нему обращались с такой просьбой. Война войной, подумал я, рассчитываясь и выходя из машины, а порядок иногда соблюдают.

Потом я долго скучал и дурел от жары, сидя на лавке – единственной, которая была свободной, потому что стояла не в тени, и даже задремал на короткое время. В реальность меня вернул голос дикторши, объявившей о прибытии самолета из Москвы.

Обмахивая лицо газетой, я прогуливался недалеко от контрольного пункта, не выдавая своего любопытства проводил глазами серебристый микроавтобус "Ниссан", который остановился перед дежурным лишь на мгновение и бесшумно покатил по асфальту к самолету. Я кинулся к стоянке такси.

– Куда едем? – спросил водитель.

Я кивнул на ворота контрольного пункта:

– Пока не знаю. Куда шеф поедет, туда и мы.

Водителю такой ответ не понравился. Он не мог сориентироваться и рассчитать, сколько бензина растратит и сколько взять с меня денег.

"Ниссан" выскочил из ворот, сверкнул в солнечных лучах и вырулил на магистраль.

– За ним!

Водитель что-то пробормотал по-таджикски и завел мотор. Он едва шевелился – или жара так на него подействовала, или он побаивался "садиться на хвост" иномарке.

– Побыстрее, – попросил я, видя, что "Ниссан" стремительно набирает скорость.

Водитель надавил на педаль акселератора с такой осторожностью, словно это была лапа любимой собаки.

– Это все? – удивился я.

– Старый машина, да? – ответил водитель и прибавил еще чуть-чуть.

Между нами и "Ниссаном" встали два "Жигуленка". Я уже начал беспокоиться, что потеряю микроавтобус из виду.

– Это куда трасса ведет? – спросил я.

– На Нурек, куда же еще!

Мы безнадежно отставали. "Ниссан" проскочил на желтый свет, перед нами вспыхнул красный, и водитель, конечно же, послушно притормозил. Я понял, что прежде чем сесть в такси, надо было посмотреть на километраж пробега и возраст водителя.

Когда загорелся зеленый, и мы тронулись с места, микроавтобуса уже нигде не было видно.

– Молодец, спасибо! – хлопнул я по плечу водителя. – Разворачивай назад. В гостиницу "Таджикистан".

* * *

Я сидел у себя в номере и, склонившись над журнальным столиком, рисовал пальму. Стройную, изящную пальму, членистый ствол которой выгибался дугой, а большие овальные ветви, заостренные внизу, как пики, фонтаном выбивались из верхушки ствола, словно копна нечесаных волос на голове хиппи. Правую ветку я нарисовал неправдоподобно огромной, и теперь она вместе со стволом образовала большую букву "Р".

Я кинул карандаш на стол и откинулся на спинку кресла. Не помню, деталей не помню. Зрительная память у меня хорошая, легко вспоминаю лица людей, с которыми встречался много лет назад, причем эпизодически. И все-таки глаза – не фотоаппарат. Стираются в памяти особенности шрифта, а это очень важно.

Снова взял карандаш, на глаз рассчитал ширину букв, чтобы слова уместились в одну строку на всю ширину листа, и едва заметными линиями набросал: "Российско-перуанский коммерческий союз "Гринперос". Отодвинул лист подальше от глаз, прищурился. Похоже, но не то. Те буквы дрожали, как если бы на них смотреть через разогретый тропический воздух.

Засечки, которые я накидал на буквы, сделали их похожими на стадо пьяных ежей, и пришлось все стирать резинкой. Попытался рисовать буквы волнистой линией, но получились вообще какие-то трудночитаемые аморфные пятна.

М-да, подумал я, художник из меня никудышный. Разорвал лист и кинул его на кровать. Потом ходил по комнате из угла в угол, пока не стемнело. Включил бра, достал из холодильника бутылку минералки, осушил ее залпом и снова сел в кресло.

Тут мой взгляд упал на обрывки бумаги. Я взял их, разложил по линии разрыва на столике, а затем слегка сдвинул в сторону каждую полоску бумаги... Буквы задрожали, словно в знойном мареве!

Я вытащил из тумбочки чистый лист бумаги и снова принялся рисовать пальму с гипертрофированной ветвью в виде буквы "Р". До полуночи, склонившись над столом, я рисовал логотип фирмы "Гринперос", и когда уже карандаш вываливался из моих рук, а глаза слипались от усталости, на листе бумаги появилось что-то похожее на логотип, украшающий договор, который мне показал Гурьев.

На отдельном листе я стал по памяти записывать текст договора. "Организация обязуется обеспечить специалиста всем необходимым для работы и отдыха в пределах нормы, которая устанавливается в зависимости от результатов труда... Специалист не вправе прерывать контракт по своему усмотрению, равно как и покидать пределы рабочей территории без ведома администрации, вести какую-либо переписку или иными способами связываться с лицами, не имеющими отношения к настоящему Договору..."

Осталось найти адрес какой-нибудь организации, оказывающей полиграфические услуги. Я пересмотрел стопку местных газет, нашел то, что мне было надо, и обвел рекламный "кирпич" карандашом.

На сегодня все, подумал я и, не раздеваясь, упал на кровать.

11

С утра я позвонил в строевой отдел штаба дивизии, но мне сказали, что приказ на увольнение уже подписан, выписку я могу забрать у дежурного по контрольно-пропускному пункту, но вот проездные документы будут готовы не раньше, чем дня через три. Когда я попытался выяснить, чем вызвана эта волокита, женский голос коротко и грубо ответил мне:

– Когда будет готово, вас вызовут.

Я подумал немного, глядя на плачущую трубку, и набрал номер Локтева. На другом конце провода трубку долго не брали, наконец я услышал незнакомый голос:

– Слушаю!

– Мне полковника Локтева.

Молчание. Приглушенные голоса, кашель, шорох.

– А кто его спрашивает?

– Кирилл Вацура.

– Э-э-э, а по какому вопросу вы звоните?

– По личному.

– Обратитесь в отдел по воспитательной работе.

И короткие гудки.

В лифте я случайно услышал от офицеров штаба миротворческих сил дикую новость: вчера поздно вечером, в своем кабинете, застрелился полковник Локтев.

Я забыл, куда собирался идти, несколько минут топтался в фойе гостиницы, мешал людям, меня толкали в дверях, как колхозника с мешком картошки в метро в час пик. Локтев застрелился, думал я, а точнее, просто повторял эту фразу, прислушиваясь к своим чувствам. Он застрелился. Не захотел больше жить. Почему? Я виноват в этом? Совпадение, что это произошло сразу после нашего разговора?

В штаб дивизии меня не пропустили. На контрольном пункте я спросил о выписке из приказа о моем увольнении. Сержант долго шарил в пустых ящиках стола, потом хлопнул себя по лбу и вытащил выписку из-под стекла, которое лежало на столе под телефонами. Приказ на увольнение был подписан сегодняшним днем исполняющим обязанности командира дивизии полковником Локтевым. Я спрятал выписку в нагрудный карман и попытался пройти на территорию, но дежурный молча преградил мне путь и показал на выход. На "пяточке" перед штабом суетились офицеры, люди в штатском, милиционеры. Я видел из-за ограды, как вынесли носилки, покрытые простыней, закатали их в зеленый фургон медицинского "Уаза". Машина развернулась, выехала через КПП и под вой sireны сопровождающей милицейской машины помчалась по улице.

Я брел к гостинице, стараясь в точности вспомнить последние слова, сказанные Локтевым вчера в кафе. После внезапной смерти человека именно к последним словам его относишься по-особенному, будто в них заложен некий мистический смысл. Сырье из приграничной зоны вывозят на военных грузовиках, мысленно повторял я слова Локтева, транзитом через Душанбе и в горы, в сторону Нурека... В военные самолеты наркотик пронести невозможно... Не надо кидать тень на дивизию...

Мне уже никогда не узнать, насколько искренне говорил об этом Локтев.

* * *

До госпиталя я доехал на троллейбусе, затем долго бродил по тенистым аллеям между корпусов, спрашивая у больных, одетых в единообразные пижамы, как пройти к моргу. Мой

вопрос нагонял на людей суеверный страх, они пожимали плечами, отрицательно крутили головами и спешили отойти от меня. Странно, отчего люди так относятся к этому естественному для госпиталей и больниц заведению? Как вообще можно лечиться, не зная, куда будешь перевезен в случае чего?

В конце концов я сам нашел маленький скорбный домик с плоской крышей и окнами, замазанными известью. На ступеньках при входе сидел до пояса раздетый солдат, стругал палку, и, увидев меня, спросил: "Чего надо?".

– Мне начальник назначил встречу.

– Сейчас спрошу, – делая мне одолжение, ответил солдат, поднялся на ноги и исчез в дверях, откуда струился слабый запах хлорки.

Вскоре ко мне вышел худой, лысеющий лейтенант с остатками черных лохматых волос над ушами – Эдик Бленский, которого я как-то видел в полку. Не вдаваясь в подробности нашей эпизодической встречи и стараясь не подчеркивать, что мы совсем не знакомы, я протянул руку, приветливо улыбнулся как своему давнему другу.

– Привет! Что-то ты похудел.

Бленский, пожимая мне руку, силился вспомнить мое лицо, но это ему не удалось. Впрочем, он легко скрыл это, кивнул мне, приглашая войти. Мы прошли по коридору, где, по моему представлению, должны были валяться трупы, и свернули в открытую дверь кабинета.

Бленский сел за стол, застланный застиранной, в желтых пятнах, скатертью, на котором стоял лишь мутный стакан, полный карандашей с обломанными грифелями, водрузил на него локти, зевнул и спросил:

– Ну, как жизнь?

Ответ на этот вопрос, как он полагал, должен был помочь ему вспомнить меня.

– Моих привезли? – спросил я.

Бленский провел по влажной лысине, приклеивая к ней нависающие над ушами длинные пряди.

– Твоих? – переспросил он. – А кто это?

– С границы, – пояснил я. – Два моих солдата, и еще трое – пограничники.

Бленский долго смотрел на меня с отсутствующим выражением на сонном лице. Наконец, до него дошло.

– Ах, да! – сказал он, заглянув зачем-то под стол, потом вытянул из стакана карандаш и принялся обгрызать его наконечник, сплевывая щепки на стол. – Нет, еще не привезли. Они пока в полку. Чай будешь?

Я молча кивнул. Раскрыть рот в этот момент у меня не хватило сил. Я не представлял, как буду пить чай, если Бленский вместе со своим заведением вызывал у меня крепкое отвращение.

– Бошляев! – крикнул лейтенант удивительно тонким и визгливым голосом. – Два чая!.. С сахаром? – уточнил он у меня. Я отрицательно покачал головой. – Один без сахара, Бошляев!

– Ну, как там? – спросил Бленский, почти наполовину раскрошив карандаш. Ему никак не удавалось обнажить грифель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.